Валентина ПАНИНА

историческо-детективный роман

Попаданцы.

В княжеской дружине

Самый страшный враг - это отчаяние
Самая надёжная опора - это вера

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Валентина Панина

Попаданцы. В княжеской дружине

«Автор»
2024

Панина В. Г.

Попаданцы. В княжеской дружине / В. Г. Панина — «Автор», 2024

Два спецназовца Иван Непейдодна и Василий Кречет возвращались с полигона со своим взводом. Увидев светящуюся рамку проскакивают друг за другом через неё и вместо лесной тропинки, по которой бежали, оказываются в бескрайней степи. Чтобы узнать, куда они попали, им пришлось больше недели со всякими приключениями добираться по лесу до людей. Они узнают, что оказались в средневековой Ладоге. Им предстоит узнать, что такое настоящая суровая средневековая жизнь. Освоившись в Ладоге, они поступают к князю в ладожскую дружину. Впереди их ждут тяжёлые испытания. Бойцы готовы пройти всё, лишь бы не уронить звания "спецназовец" перед своими далёкими предками.

© Панина В. Г., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 16
Глава 3 19
Глава 4 27
Глава 5 31
Глава 6 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Валентина Панина
Попаданцы. В княжеской дружине

То, что было, и то, что будет,
В этот час сплетены в одно,
И дрожит у Богини Судеб
В тонких пальцах веретено.

Течение реки и течение времени не остановить и не вернуть назад. Творец, произносящий слово уже не может его вернуть, ибо слово рождается необходимостью души поделиться радостью, тревогой или сомнениями. Произнесённое слово уже не принадлежит творцу, оно уходит в народ и живёт своей жизнью, возбуждая чувства, будоража мысли и, возможно, вызывая раздражение.

Глава 1

Иван Непейдоднá любил исторические романы, история Руси и образование государства, с чего начиналась Русь, его всегда интересовало. Поужинав, он лёг на диван с очередным историческим романом, открыл книгу и прочитал первую строчку: «История Ладоги тонет в туманах». По сведениям, основанным на устных преданиях в «Повести временных лет», Рюрик поселился в Ладоге раньше, чем в Новгороде. Ладога действительно старше того поселения, которое позднее стало Новгородом. Она даже старше Рюрикова городища, находившегося недалеко от Новгорода и бывшего первым укреплённым поселением в округе Новгорода. Именно Ладога, а к тому времени существовала уже не менее ста лет и стала резиденцией правителя, стольным княжеским городом, то есть – столицей складывающейся в Восточной Европе державы Рюриковичей. В дальнейшем столица была перенесена в Рюриково городище, а затем в Киев.

Ладога не была центром Руси, потому что Руси ещё как таковой не было, но она была одним из важнейших центров. *Здесь зарождалась Русь…*

***

Иван настолько впечатлился событиями далёких времён и ратными подвигами предков, что с утра пораньше отправился в военкомат и потребовал, чтобы его взяли в армию, ему хотелось чувствовать свою причастность к защитникам Отечества. Военком долго, молча, его рассматривал, потом отодвинув в сторону папки, потребовал:

– Колись, парень, что натворил, раз собрался укрыться в армии.

– Ничего я не натворил, просто не успел ещё, а вот если не возьмёте в армию, тогда не исключено что натворю. Да хотя бы на дискотеке подерусь.

– Все мы в молодости дрались и ничего, под статью не попали.

– Вам повезло, а в драке всякое может случиться, когда начинают кулаками махаться, не смотрят куда попал и куда упал.

– А почему в институт не поступаешь?

– Отслужу тогда и поступлю или заочно буду учиться.

– Ну, хорошо, на вот тебе повестку, иди, вместе с новобранцами проходи медкомиссию.

Иван прошёл медкомиссию. Вечером собралась за столом вся родня под фамилией Непейдодна, и посыпались тосты: «За новобранца», «За нашу армию», «За лёгкую службу», «За настоящих мужчин» и за каждый тост, неважно какая была посуда большая или маленькая, наливали по полной и пили до дна. Новобранец не выдержал такого марафона, потихоньку выполз из-за стола, и только добрался до постели, как тут же отключился. А на следующий день, пока дома родня ещё догуливала на его проводах, в который раз пропуская перед чаем «по последней», он уже был в военкомате. Там бегали лейтенанты и старшины из разных частей и подбирали себе новобранцев. Ивана присмотрел капитан из ГРУ ВДВ, быстро схватив за рукав, подвел к группе парней и сказал:

– Стой здесь и никуда ни шагу.

… Долго ли, коротко ли, но вот уже наступили желанные сто дней до демобилизации.

Кто не тянул срочную службу, тот не знает, что такое сто дней до приказа! А это значит, ты уже без малого гражданский человек. Это значит, министр обороны уже выбирает ручку, которой подпишет приказ об увольнении в запас твоего призыва, приготовил чернила, чтобы потом не бегать и не искать их, а канцелярия приготовила бумагу, на которой будет напечатан приказ об увольнении.

Так или иначе, а «дембель», неотвратимо приближался. О приказе, как водится, первыми узнают писари и сообщают эту благую весть под страшным секретом своим землякам. Ну и понятное дело, через полчаса об этом знает уже вся часть. А как иначе! Можно и на этой

информации руки погреть, как говорится, кто что караулит, тот то и имеет. И вот новость сделала уже несколько кругов по гарнизону и у вояк начинается после отбоя самое главное: «старики», которые с этой минуты становятся «дедами», возводят всех остальных в очередные звания неписаной казарменной иерархии. Делается это при помощи обыкновенного уставного ремня. Каждый получает по конкретному месту столько условно-символических ударов, сколько месяцев отдано родным Вооруженным Силам. А дальше – больше. Там уже как снежный ком: это лучший кусок за длинным солдатским столом, право не поднимать ногу, когда взвод идёт строевым шагом, за тебя отбивая ноги, старательно выколачивают пыль из притоптанной земли молодые. Это полная свобода от мелкого быта и возможность полностью отдаться мечтам о «дембеле» и ещё десятки различных привилегий, превращающих тебя в привилегированное существо и придающих походке рассеянную величавость, а лицу – сонно-высокомерное выражение. Иван Непейдодна с другом Василием Кречетом, этими правами не пользовались, им почему-то было стрёмно эксплуатировать сослуживцев, за время службы совести осталось чуть, вот они и берегли остатки, чтобы было с чем вернуться домой. Они уже чувствовали острый, волнующий запах «гражданки» и просыпаться, наверное, в последнее время стали так рано, чтобы со вкусом помечтать о ней. Они, как братья-близнецы, в это раннее утро лежали, заложив руки за голову и запустив взгляд в потолок, молча его разглядывали.

– Вася! Ты что собираешься делать после дембеля? – прошептал Иван, чтобы никого не разбудить.

– Целомудренно провести жизнь не получится. Сначала девки, а потом всё остальное. Слишком много их будет вокруг, велик соблазн, никакая работа в голову не пойдёт.

– А я устроюсь охранником на нудистский пляж.

– Будешь куковать на пляже, аки перст един, и на голые задницы поглядывать. И какой тебе с этого кайф?

– Работа кайфовая, загораешь, купаешься, любуешься голыми девчонками и мечтаешь, а иногда мечты сбываются, а зарплата капает.

***

Первые месяцы показали всю прелесть службы в армии, а по истечении полутора лет научили пользоваться парашютом, обещая, если первый не раскроется – выдадут второй. И вот однажды поступила команда быть готовыми к вылету в Чечню. На тренировках наставники не жалели бойцов, ускоренный курс шёл полным ходом, в какой-то момент сидели на "чемоданах", ждали вылета в места боевых действий. После суток ожидания, приказ отменили, и бойцы с облегчением вздохнули. А кому хочется воевать, когда на горизонте уже маячит дембель, а с ним и куча всяческих соблазнов?

Прозвучала команда «подъём».

«Старик» – это сладкий сон после подъёма, пока не придет дежурный по роте и, глядя с умилением на спящего солдата не скажет:

– Вставай! Трибунал проспишь.

Друзья не стали ждать пинка, вскочили и понеслись на зарядку. Во время бега они держались рядом. Василий, запыхавшись, процедил сквозь зубы:

– Как я ненавижу эту зарядку.

– А ты, Вася, капитану пожалуйся.

– А я думал ты мне друг, – буркнул Василий, вырвался вперёд и оставил Ивана одного, но Иван не стал догонять друга, знал, что тот всё равно никуда не денется.

Рота отправилась в столовую. Иван Непейдодна с улыбкой посмотрел на Василия и сел рядом с ним.

– Ну как она, жизнь, Вася? – поинтересовался друг.

– Жизнь прекрасна и удивительна!

– А чё глаз дёргается? – хмыкнул Иван.

– Так от удивления и дёргается…

После завтрака рота выстроилась на плацу для подъёма Государственного флага. Капитан Дмитрий Бенедиктович Хмыря, гордо подняв голову, отдавая честь развевающему на ветру флагу, свысока смотрел на своих подчинённых, бегая глазами вдоль строя и оценивая выправку и блеск обуви. Он был широк в плечах и от природы наделён могучей силой. Родом из украинского села Мудищево, находящегося где-то в жопе мира, отслужив срочную службу, остался в армии по контракту. Он легко жонглировал двухпудовыми гирями, и шутить с ним никто не решался, это было смертельно опасно, ну…, не то чтобы смертельно, но вредно для здоровья. После поднятия флага, он прошёлся вдоль строя, принюхался и мрачно заметил:

– Вы чё лыбитесь, как параши, а? Перегаром от вас несёт – страшно спичку зажечь, чтоб не взорваться к едрене фене. Ночью зашёл в казарму – половина коек пустых! Одна молодь спит, а «стариков» ни одного нет! Где вы были, я спрашиваю? Вы в армии, чтобы заниматься боевой подготовкой, а не в посёлок бегать девкам юбки задирать, да винище жрать. Ррраздолбаи! Вам ваши сто дней долгими покажутся! С сегодняшнего дня буду лично проверять все злачные места в посёлке. Если кого поймаю – пеняйте на себя.

– Вот чёрт, – ворчит Василий, – который день выспаться не дают!

– В дисбате выспитесь! – обещает капитан, вышагивая вдоль строя, – а ты, Кочет, вообще как заноза в моей заднице с первого дня службы!

– Кречет я, тарыщ капитан.

– Ты не Кречет, а Кочет, который не пропустил ни одного курятника! Я не удивлюсь, если во время дембеля твои девки с колясками будут осаждать проходную.

– Ну, Димитрий Беденик… Бенекит… Бекенид… Отец родной!

Пока Василий пытался выговорить отчество ротного, он стоял и, хмуря брови, всё сильнее и сильнее наливался гневом, лицо стало пурпурным, глазки сузились и налились кровью. Видно было, что он готов был схватить бойца и удавить собственными руками.

– Если бы я был твоим отцом, я бы уже сто раз повесился, утопился или выпил яду, накрайняк попросил бы трибунал приговорить меня к расстрелу за такого сына.

– Димитрий Беденик…, ну простите, за Христа ради-и-а…. А чё я такого сделал?!

– Бенедиктович я! И не приплетай сюда Господа! – окончательно взбесился капитан, – из-за тебя вся наша рота без покаяния прямым маршем отправится в штрафбат!

– Дык как… – развёл Василий руками на три метра в стороны, – и это всё из-за меня?

– А чего, для трибунала дело-то нехитрое…. И главное, всё по Уставу! За нарушение дисциплины.

– Ну, Димитрий Бекенид…, тарыщ капитан, разрешите доложить. В процессе патрулирования мною был обнаружен в кустах пьяный салага, если вы на меня обозлились за то, что я с ним плохо обошёлся, так он мне нагрубил, ну я ему и… вломил.

– Щас я тебе вломлю, подлюка голозадая! Ты знаешь, чьим сыном оказался этот салага? Моли бога, чтобы из-за тебя с меня не сняли капитанские погоны, иначе я тогда тебе так вломлю, что тебя свои не узнают! Понял?

– Понял, тарыщ капитан. А, что он тогда делает в армии?

– Папа решил его проучить! Но тебе этого никто не поручал!

– Ёпть! Почему я всегда у вас крайний, тарыщ капитан?

– Не зли меня, Кочет!

– Кречет я.

– Отставить! Я сказал Кочет, значит Кочет!

Первым в строю стоял Иван Непейдодна. Он был высок, широкоплеч с озорным взглядом, за что часто получал наряд внеочереди. Никто не понимал, чем он привлекал женщин и сам он уже счёт им потерял и не факт, что после него не осталось прямых наследников не только дома, но и в месте службы. Трудно сказать, что именно в нём завораживало женщин. Рост –

это однозначно, какая женщина откажется иметь у своих ножек русского богатыря, защитника Отечества и эти милые создания гроздьями вешались на крепкую шею Ивана. Капитан подошёл к Ивану, осмотрел его с головы до ног и ехидно ухмыльнулся.

– Ну, ты и Непейдодна, ну боец, ну красавец! – и вдруг как заорёт, – ты какого хрена меня перед проверяющими позоришь?

– Тарьщ капитан! А что я такого сделал? – у Ивана от удивления брови на лоб полезли.

– Ты овцой-то невинной не прикидывайся! Нахрена тебе целый пакет презервативов? Ты в армию пришёл служить или в бордель к девкам заглянул на огонёк?

– Это не мои. Подстава, тарьщ капитан. Зачем мне столько?

– Видно, пока тебя за руку не поймаешь, ты не сознаешься.

– Зачем же мне на себя наговаривать, тарьщ капитан! Да и как вы собираетесь меня ловить за руку?

– С другом вон, с Кочетом, поделился бы, – ехидно улыбнулся капитан, – а то девки уже сейчас за ним бегают с колясками, а до дембеля ещё настрогает.

– Димитрий Бедекит…, блин, тарьщ капитан, за мной ещё никто с колясками не бегает, – обиделся Василий, – зря не наговаривайте.

– А это мы увидим во время дембеля. Я тебе Кочет не завидую, порвут тебя девки, как Тузик грелку.

– Кречет я.

– Ага! Кречет птица сильная, умная, выносливая и осторожная. А ты? На зарядке еле ноги передвигаешь, осторожности в тебе ни грамма, вон девки у ворот подкарауливают тебя, я уж не говорю про твой ум, его отродясь у тебя не было.

– Тарьщ капитан! За что вы со мной так?

– А ты подумай, если не согласен!

После всех пререканий капитан подошёл к Василию Кречету, он стоял рядом с Иваном и уставился на Василия глазами буравчиками, как дуло двустволки. Василий тоже буравил капитана, но в отличие от чёрных глаз капитана у Василия они были голубые, как будто их выточили из сапфиров или голубых алмазов, с длинными девичьими пушистыми ресницами и невинным взглядом. Василий тоже имел большой успех у женщин, стоило этим драгоценным камням коснуться взглядом жертвы, как она теряла разум, а в результате и честь.

– Ну и чего ты уставился на меня? – вызверился капитан.

Когда командир в плохом настроении, бойцы знали, лучше не выказывать никаких эмоций и держать рот на замке. А как вы хотели? Командир всегда прав. Василий, вытянувшись по струнке, ел глазами командира и молчал. Рота уже полчаса стояла на плацу, но экзекуция всё продолжалась, и конца ей видно не было. Все знали, что лучше молчать, когда капитан с азартом изгаляется над бойцами. Какими бы матерными и витиеватыми оскорблениями капитан не крыл всех подряд, находя для каждого бойца «доброе» слово, все замерев в восхищении, молча слушали, раскрыв рты. Запоминая от слова и до слова новые незнакомые им доселе ругательства, ахая в душе и проникаясь уважением к нашему великому и могучему русскому языку, с его разнообразными формами общения от ребёнка до раздолбая.

Любого иностранца, знающего, более-менее, русский язык, привела бы в ступор фраза: «Надень шапку на хрен, а то башку простудишь», а для капитана такие фразы были самые невинные, как детский лепет.

Нет, мысленно ты, конечно, можешь и спорить, и возражать, и даже дать пинка ротному, лишь бы это никак не отразилось ни в мимике, ни в жесте. Его жена гуляет с генеральским адъютантом, вот он и бесится, а бойцам эта ситуация уже под кадыком стоит.

– Чего молчишь сволочь голозадая?

– Тарьщ капитан, вы второй раз называете меня голозадым, только я никак не пойму, а почему голозадая-то? – не выдержав, удивился Василий, – я ваще–то в форме.

– В форме он! – фыркнул капитан и продолжил самозабвенно орать, – если бы ты не был голозадым, то не стоял бы сейчас здесь, на плацу, а сидел в ресторане или с девицами на яхте рассекал по морю. Ты что, гад, меня совсем не слушал, что я говорил, мать твою?

– Вы знаете, Димитрий Беденик… Бенекит… Бекенид…

– Бенедиктович! – разъярился взводный.

– Бедекин…

– Ты бессмертный что ли? Пошёл вон отсюда! Вон!!! – заорал капитан, что было мочи.

Но Василий не сдвинулся с места и, даже, решился на диалог.

– Я вас слушал, тарыщ капитан, но так и не понял: я всё правильно сделал или где-то ошибку допустил?

– Я тебя отправлю в такую дыру…, где Макар телят не пас, – орал капитан, широко шагая вдоль строя, словно ужаленный.

У штаба заклубился народ. От кучки военных отделился майор с пакетом и направился к роте.

– Равняйсь! Смирррррна!!! – скомандовал капитан.

– Вольно, – махнул рукой майор. – Через два часа вы обязаны быть на стрельбище. Капитан! Проведёте учения по тактической подготовке, я подъеду позже.

– Есть! – капитан взял пакет у майора.

В полной тишине рота дождалась, когда майор уйдёт и капитан взревел:

– По машинам!

Машины уже ждали, рота погрузилась, моторы взревели, и ЗИЛы медленно тронулись с места, постепенно набирая скорость. У роты забот невпроворот. С утра до вечера все три взвода мечутся как угорелые: политзанятия, физподготовка, стрельбы, уборка, стенгазета, а ещё надо привести форму в порядок. А Василий Кречет и вовсе, благодаря капитану, очистил уже пятьсот килограммов картошки и тонну туалетов.

– Вась, чё скис?

– Бля, у меня сегодня свидание назначено, девочка ждать будет, а нас отправили чёрте куда.

– Так капитан тебе пообещал, что зашлёт тебя туда, где Макар телят не пас. Вот в наших лесах он их никогда не пас.

– Отставить разговоры! – прошипел капитан.

– Суки, без обеда отправили на учения, – загрустил Василий.

– Вась, ты же только что позавтракал, а в обед сухпаёк заточим, – подбодрил его Иван.

. Их роте не повезло, среди леса машина вдруг дёрнулась раз, другой и заглохла. Бойцы стали переглядываться и уже прикидывали, сколько километров осталось до полигона, и как будут туда добираться. Как известно одиннадцатый номер сверхпроходимый и круглосуточный, а посему надежда была только на собственные ноги и собственные силы.

– Отсюда до полигона будем добираться своим ходом. Время ограничено. К тому времени, как остальные машины туда прибудут, мы должны уже быть там. Ротный махнул бойцам рукой.

– За мной! – и посмотрев на компас, рванул в кусты. Бойцы понеслись следом за ним. Василий с Иваном бежали последними, сохраняли силы.

Любопытное светило, оторвавшись от горизонта, принялось быстро карабкаться вверх, словно торопясь проверить, не произошло ли чего из ряда вон выходящего, пока оно освещало и грело другую половину планеты. Иван с Василием со своим подразделением должны были скрытно подойти к «противнику». Тактическая подготовка заключается в преодолении участков местности, скрытых от наблюдения противника и не простреливаемых его огнём. Перебежки применяются для скрытного сближения с противником. Василий решил доказать капитану, что он не совсем пропащий человек. Осмотревшись, он сорвался с места и побежал

вперёд, чтобы первому добраться до «противника» и застать его врасплох. Взводу ничего не оставалось, как последовать за ним.

Неожиданно из леса, начинающегося сразу за стрельбищем, в летнее утреннее небо, шипя и фыркая, взмыла сигнальная ракета. Почти одновременно раздалось несколько хлопков, взрывов и треск автоматных очередей. Между деревьями замелькали фигурки людей, одетых в камуфлированную форму.

Занятия по тактической подготовке достигли апогея. Взвод, действующий в поиске, напоролся на засаду «противника», обнаружив себя сигнальной миной. После скоротечного учебного боя бойцы ВДВ построились на небольшой поляне, расположенной рядом с проселочной дорогой, которая вела в гарнизон.

– Равняйсь! – Вышедший на середину строя командир взвода, лейтенант Олег Набралгадов, высокий, смуглый с карими глазами и квадратным подбородком скользнул взглядом с лёгким прищуром по шеренге и, помолчав, резко выдохнул:

– Смирно! – и тут же скомандовал, – вольно! – отмахнулся, поморщившись.

Бойцы следили за каждым движением и жестом своего командира. Он пользовался непререкаемым авторитетом не только среди подчинённого личного состава, но и других офицеров и прапорщиков бригады.

– Кто напоролся на сигнальную мину?

– Я, – виновато шмыгнул носом Василий Кречет. Переминаясь с ноги на ногу, он стрельнул взглядом в сторону командира и потупился. – Проволоку на фоне листвы в упор не видно…

– В следующий раз мы на неё красные флажки повесим, – Набралгадов вздохнул, – и указатель «сигнальная мина».

По строю прокатился смешок.

Через полчаса все расселись по машинам и поехали в часть, а взвод, в котором служили Иван с Василием, не дождавшись своей машины, побежал в часть своим ходом. Иван, прежде чем пристроиться в хвост своего взвода продекламировал:

Не беспокойся, Родина, за нас,
Ты подняла нас, ты нас воспитала.
И выполним мы твой любой приказ,
Поскольку мы из русского металла.

Иван с Василием сорвались с места и побежали догонять взвод. Вскоре Василий вырвался вперёд, Иван не возражал, шагу не прибавил, но Василия не терял из виду. Вдруг он впереди увидел рамку, которая переливалась голубым светом. Он хотел остановить Василия, но тот уже нырнул в неё и исчез из виду. Иван успел крикнуть:

– Вася!!

Не получив ответа, он тоже нырнул в рамку. Внезапно наступила тишина, а вокруг до самого горизонта расстилалась степь. Иван так растерялся, что сначала несколько секунд беззвучно хватал воздух ртом, а потом заорал, что было сил:

– Вася-я-я!!

– Да здесь я. Чё это у тебя глаза такие дурные! – послышался сбоку спокойный голос Василия.

Иван повернулся и увидел друга, он сидел на кочке и удивлённо осматривался вокруг.

– На себя посмотри! Чё расселся, придурок?

– А чё делать-то?

Сорвав травинку, Иван взял её в зубы, отвернулся от Василия и посмотрел задумчиво на то место, где была рамка.

– Что это было, Вань? Я же почти догнал пацанов, а тут такое…

Иван покрутился во все стороны, посмотрел на растительность, подняв голову взглянул на безоблачное небо. Ему эта местность сразу показалась какой-то чужой. Это нехитрое умоза-

ключение возникло в голове, как только он проскочил в рамку и остановился в поисках Василия, да и как ему не возникнуть, когда бежали по лесу, а оказались в степи. Степь тянулась почти до горизонта. Только вдалеке темнела полоска леса. Иван, тяжело вздохнув, положил на землю автомат, снял рюкзак и сел рядом с Василием.

– Васька, какого хрена ты сюда нырнул? Из-за тебя мы неизвестно куда попали.

– Сколько раз я собирался послать тебя нахрен. Вот уж точно – от судьбы не уйдешь, – Василий посмотрел на Ивана грустными глазами и отвернулся.

– А ты меня сейчас пошли и гуляй, если тебе так лучше будет.

– Неплохо бы понять, куда мы попали, – проворчал Василий.

– Узнаем, когда выйдем к людям. Ты зачем сиганул в эту чёртову рамку, мать твою? Не мог пробежать мимо?

– Не знаю! Она, как будто, сама меня сюда затянула. А ты чё прилепился ко мне, как мокрый лист к заднице! Зачем побежал за мной? – вдруг вызверился Василий.

– Ты бы хоть спасибо сказал, что я тебя не оставил одного! Что бы ты сейчас делал тут без меня?

– Спасибо! Так лучше?

– Спасибо не булькает.

Иван, отложив на потом размышления, о причинах случившегося, растянулся на траве и закрыл глаза. Сколько он себя помнил, всегда любил читать не только исторические романы, но и фантастику, мистику, про магию, упивался жанром фэнтези, читал в любую свободную минуту, но ему ни разу не пришло в голову, что однажды сам наяву окажется на месте книжных героев. «Пути Господни неисповедимы», – подумал Иван и стал вспоминать хоть какую-нибудь молитву, чтобы обратиться к Господу за помощью, но, к сожалению, раньше он об этом никогда не задумывался и не знал ни одной молитвы, поэтому решил к Нему обратить своими словами: «Господи! Сделай так, чтобы нам с Васькой не угрожала опасность! Помоги нам, Господи, отведи от нас беду… Защити… Возьми под свою опеку. Я вот как только вернусь в свою часть, сразу пойду в церковь и куплю свечей на все деньги, которые у меня есть, обещаю. Может, я и не знаю про тебя почти ничего, да и Библию не читал, но в глубине души я всегда верил в то, что Ты есть. Ну, грешен я, грешен, так сейчас святых людей вообще нет. Мне за многое стыдно, Господи, ох, за многое! Я же не виноват, Господи, что меня тянет к женщинам, да и они не против, а я – всегда готов подарить им радость. Господи, ты же не можешь меня за это наказывать, да и Ваську тоже, ведь у них становятся такие счастливые глаза. Помоги нам, Господи! Ведь ты же справедливый, а мы в своей жизни ещё не успели наделать смертных грехов, которые невозможно замолить! Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь!» Иван полежал ещё немного, давая сердцу успокоиться, надеясь, что в тишине молитва достигнет ушей Господа быстрее и, повернув голову, посмотрел на Василия.

– Васька, какой козёл законы природы рушит?

– Может это наш капитан на мне отрывается?

Минут через двадцать Иван решил, что виноват всё-таки козёл, ибо капитан быть виновным не может по определению, так как начальник, как известно, всегда прав. Солнышко меж тем припекало всё сильнее. Ветра не было даже самого слабенького, ни одна травинка не шелохнулась, пока они сидели в растерянности и собирались с мыслями.

– Васька, что делать будем?

– Хрен его знает.

– Ну, он всегда всё знает. Хватит отдыхать, думать надо, куда мы попали и как отсюда выбраться. Говорят: «Бог не по силам испытаний не даёт!» Видимо кто-то решил испытать нас, только непонятно на что: на выносливость, на сообразительность или на вшивость.

– Для этого необязательно было забрасывать нас, хрен знает куда.

Благодаря сильному характеру Иван смог справиться с нахлынувшим на него отчаянием. Он встал и прошёлся по тому месту, где светилась рамка, прошёл в одну сторону, потом в другую, но ничего особенного не заметил. Небольшой жизненный опыт приучил Ивана сначала адекватно реагировать на непонятную ситуацию и постараться разобраться, а уж потом, если ситуация выйдет из-под контроля готовиться к решительным действиям. Однако никого, с кем надо было немедленно биться или же от кого поспешно спасаться, поблизости не было. И то ладно. Быстро оглядев доступные взору окрестности, он убедился, что в ближайшее время неприятности им не грозят. Самочувствие вполне приличное, хотя ощущается лёгкое недомогание, слегка кружится голова и закладывает уши.

– Вась, ты как себя чувствуешь?

– Есть хочу.

– Ну, это понятно. Какой Вася не хочет есть? – хохотнул Иван, – вставай и пошли. Надо добраться до людей и узнать, куда мы попали. Свой взвод теперь мы вряд ли догоним, да и посмотри на солнце. Когда мы высадились в лесу, оно ещё только взошло, а, когда отстрелялись и побежали в часть, оно было уже в зените. А здесь оно только оторвалось от горизонта, вон даже роса ещё не сошла с травы. И где мы болтались полдня и всю ночь?

– Охренеть можно! – размышлял Вася о причудах судьбы, – Вань, и в какую сторону нам теперь идти? Где искать людей?

– А я знаю? Пойдём прямо вон к тому лесу, что чернеет на горизонте, куда-нибудь да выйдем.

– Надо Настьке позвонить, чтобы не ждала. Пока выберусь отсюда, она успеет три раза замуж выйти.

Василий достал мобильный, но соединить его с подружкой он отказался, просто промолчал. Ругнувшись, Василий стал снова набирать номер, но в ответ опять тишина.

– Вась, откуда у тебя мобильник?

– Так я же от Настьки ждал звонка, вот и припрятал его. Что за хрень, ведь вчера звонил и связь была! Неужели вышка накрылась? Или мы так далеко забрались, что связи здесь нет – сокрушался Василий.

– Если бы она тебе позвонила, когда мы стояли на плацу, тебя бы капитан с землёй сровнял.

– Давай не будем сейчас думать, что бы со мной было, лучше прикинь, что с нами будет, когда мы выйдем к людям.

Иван вдруг подумал, что он спит, и боялся, что пробуждение ему не понравится. Неработающий мобильник у Василия, странная незнакомая растительность вокруг, солнце над горизонтом – всё это указывало на то, что они могли попасть в иной мир. Не зря говорят: «Бойтесь своих желаний, потому что наши желания – наши же горести». Хорошо мечтать лёжа дома на диване, а действительность, в которой они оказались его начала напрягать. «Вот засада! – думал Иван, оглядываясь, – капитан таких п… нам отвесит, что мало не покажется».

– Что за нафиг? Какого чёрта происходит вообще? – вскричал Василий, – такое ощущение, что мы не угодили кому-то там, в небесной канцелярии и нас выкинули в параллельный мир!

– Васька…, а ведь мы с тобой оказались дезертирами. Свалили во время учений.

– Ёпть! Нам писец! Если отсюда выберемся, то загремим в не столь отдалённые места. Мы же с оружием свалили. И никто никогда нам не поверит, что нас куда-то вдруг выкинуло.

Иван схватил автомат, вещмешок и, не обращая внимания на бьющую в виски при каждом шаге боль, жалея, что вечером поддался искушению и выпил лишку присланной Тимохе из дома самогонки, посмотрел на широкую степь, раскинувшуюся перед его взором, и пропел:

– Степь, да степь широкая, степь раздольная…

Её здесь быть не должно, это Иван знал точно. Лес – сколько угодно, но степь… Они же бежали за капитаном по лесу. Может, чернеющая на горизонте полоска и есть тот самый пропавший лес? А может и не тот. Он увидел тропинку, которая шла в сторону леса. Если сделать марш-бросок, часа за два можно до него добраться. Жажда мучила всё сильнее. Начинался «сушняк». В полупустой фляжке, удалось обнаружить всего пару глотков воды. «Ну что ж, будем трезветь на ходу», – Иван вздохнул и со свойственной ему энергией пошёл быстрым шагом прямиком в сторону леса.

– Вась, не отставай. Придётся сделать марш-бросок, чтобы быстрее узнать, куда нас занесло. За мной!

– Туда столько идти, замучаемся пыль глотать.

– А нам ничего другого и не остаётся.

Василий пристроился рядом с другом, и они побежали лёгкой рысцой по степи к лесу. Толчок ногой, и, пока тело находится в воздухе, отдыхаешь… Три толчка – вдох, три толчка – выдох. Бежали с переходом на быстрый шаг по ощущениям часа два, но лес не приближался. Усталость давала о себе знать, да и есть хотелось зверски…, а ещё больше хотелось пить. Они шли без отдыха часов шесть, в полнейшей прострации, когда кажется, что каждый следующий шаг – последний… На самом деле выносливость это миф, есть только усталость: непомерная, всеобъемлющая, бесконечная, готовая раздавить тебя в любой момент…, но надо двигаться вперёд, стиснув зубы или высунув язык и яростно матерясь… Наконец добрались до леса, забежали в тенистый рай, и здесь на их счастье наткнулись на родничок. Остановились одновременно и уставились на это чудо природы. А тот журчаньем своим напевал какие-то свои неподходящие к текущему моменту песни о любви, лете, тепле и, как Ивану показалось, с горечью об их явном дезертирстве. Вода, выбиваясь фонтанчиком из-под земли, была холодной и вкусной. Хлебали лежа, жадно, периодически кашляя. Напившись, отвалились и уставились пустыми взглядами в голубое летнее небо не тронутое ни одним облачком.

– Вань, что будем делать?

– А, что мы можем? Мы даже не знаем, куда мы попали. Будем смотреть по ситуации, – сказал Иван и закрыл глаза. Он решил после такого марш-броска немного отдохнуть, а потом идти дальше.

Друзей разбудил птичий щебет. Открыв глаза, Иван приподнялся, оперевшись на локоть, осмотрелся. Всё также журчал родник и его ручеёк блестел на солнце. Его окружал невысокий кустарник, как бы оберегая от чужих глаз.

– Надо идти, хватит тут валяться. Вот, только куда…, – задумчиво крутил головой Василий.

Иван встал и принялся разглядывать ближайшее дерево, с целью определить, с какой стороны у того мох и где север, а где юг, но дерево оказалось неправильным – мха на нём вообще не было.

Иван увидел заросли папоротника, которые раньше не заметил. На первый взгляд, ничего не изменилось: кругом всё тот же лес, что и дома, но было много чего-то неуловимого, что давало понять, что лес чужой и было ощущение опасности, которое подтверждалось бегающими мурашками по позвоночнику. Свой лес пах нормальной человеческой жизнью, а не пустотой и безлюдьем, как этот. Иван оглядывался по сторонам. Роса с травы испарилась, в лесу запахло травами. Иван вспомнил свою матушку, она часто ходила в лес собирать полезные травы и поэтому сама пропахла ими. Притихший лес неподвижно застыл бесконечной колоннадой на голубом фоне летнего неба. Василий вынул из кармана сигареты, покрутил пачку в руках и сунул ее обратно.

– Вот, дожился, даже курить не хочется! – сокрушённо сказал он.

И вдруг звук шагов нарушил тишину. Слева метрах в пятидесяти напрямую, через заросли папоротника и через густые кустарники брело семь закутанных в чёрные балахоны

фигур. Они шли молча, одновременно ступая, как солдаты след в след, и оставляя за собой только одну цепочку утоптанных следов. Иван с Василием легли в высокую траву и затаились, беспокойно вглядываясь в странные фигуры. На фоне всех происходящих с ними событий, они ощущали себя больше зрителями, чем участниками происходящего.

Глава 2

Ладожский князь, Радослав Изборович Курчавый, сидел в народной палате и в который раз перечитывал свиток, намедни привезённый течцом из Новгорода. Это был указ великого князя киевского Владимира Святославича прибыть с дружиной в Новгород для похода на Чудь. Радослав был молод, ему совсем недавно минуло двадцать восемь лет, его стремления были благородны, а помыслы чисты. Он не пренебрегал законом и старался судить по Правде. Князь был полон сил и стремлений к добрым делам. Чуть больше года прошло, как он женился и теперь ждал пополнения в семье, и жизнь ему казалась прекрасной и удивительной. Радославу очень не хотелось уезжать от своей молодой жены. Он вдруг вспомнил, как она появилась в его жизни.

Так случилось, что не он выбрал жену, а она его. Дарёна была купеческой дочерью и приехала с отцом в Ладогу на Торг и, гуляя по городу, засмотрелась на княжеский терем и чуть не попала под копыта княжескому коню, на котором нёсся по улице с кметями Радослав. Он в один миг слетел с коня, подхватил девушку под руки, поставил на ноги, но она плохо держалась на них то ли от страха, то ли покалечена была, и всё время норовила упасть. Князь прижал её к себе и почувствовал запах фиалок от её волос. Девушка подняла голову, посмотрела на него ясными зелёными очами, и князь утонул в них, а ещё он почувствовал её крепкие налитые груди, которые крепко прижимались к нему. Ей было лет пятнадцать. Правильные, тонкие черты лица притягивали взгляд, а зелёные глаза смотрели внимательно и серьёзно.

– Женись на мне, князь, не пожалеешь, – прошептала соплюшка.

– Какая из тебя княгиня! Ты дитё ещё совсем, – так же тихо ответил ей князь.

Его сердце взволнованно стучало, он терял голову от прижатой к нему упругой девичьей груди. А девчушка прилипла к нему и замерла, только шепчет, уткнувшись ему в грудь:

– Женись, князь, я тебе наследника рожу, а, ежли хошь рожу много наследников, любить тебя буду до последнего моего вздоха.

Радослав ошеломляюще посмотрел на девчушку, и словно время повернуло вспять, он вспомнил себя шестнадцатилетнего, как он собирался соблазнить свою первую женщину.

– Вот ты, заноза, в моей заднице! Откель ты взялась на моём пути?

– Князь, женись, клянусь, не пожалеешь! – умоляла девица, а сама, как яблочко наливное, молодостью и свежестью пышет и такая хрупкая… и… родная.

Глубоко вздохнув, он соблазнился фиалковым запахом её волос. Попав во власть искушения, он тут же выругал себя. Нужно же быть таким глупцом! У него в тереме столько доступных женщин, а ему понадобилась эта невинность! Столь поспешные чувства к женщине, по меньшей мере, были неуместны для его образа жизни в тереме, полном готовых на услуги сенных девок и челядинок. Его смоляные волосы падали на плечи, на гладкий высокий лоб, черные брови вразлёт были словно выписаны над насмешливыми карими тёмными глазами. В прекрасной улыбке, которая в равной степени была завораживающая и хищная, он открывал белоснежные ровные зубы. Его взгляд зацепился за тоненькую фигурку, он нервно сглотнул и уставился на высокую грудь, на ней лежала толстая рыжая коса, опускаясь ниже талии. Он приподнял её голову за подбородок, заглянул в смущённое девичье личико и улыбнулся. Подхватив девушку за талию, поднял, посадил к себе в седло и повёз в терем. Её отцу выплатил вено и обвенчался с Дарёной. Из "занозы" вышла отличная хозяйка. Строга, но справедлива. Челядь души в ней не чает. Мужа любит, пылинки с него сдувает, а он совсем голову от неё потерял, из своих объятий не выпускал бы, коли не служба.

Вспомнив жену, Радослав отложил свиток и заулыбался, но тут же сник, думая о том, что придётся оставить её дома, а самому с дружиной бежать в Новгород. Прошло чуть больше года их супружества. Дарёна всегда спала, крепко прижимаясь к супругу, положив голову ему

на плечо. Радослав иногда осторожно высвобождал затекшую руку и поворачивался на другой бок, а утром обнаруживал жену в своих объятиях. Как она умудрялась, не потревожив его сна там оказаться, для него было загадкой. Радослав терял голову, забывая обо всём на свете, когда медленно, с вожделением снимал с княжны тонкую рубаху, оставляя её нагой. Он уже не мыслил себе и одной ночи без своей жены-красавицы. Дарёне всего шестнадцатый годок и поэтому Радослав не хотел торопиться с наследниками, вместо того, чтобы с последним криком страсти замереть, слившись с любимой, он вскакивал, как ошпаренный. Она почувствовала неладное, прошло два месяца, как они обвенчались, а она до сих пор не понесла. Видимо к кому-то обратилась, чтобы её просветили, или сами по себе нашлись доброхоты, но однажды, когда он порывался скатиться с неё, она его удержала и не отпустила. Когда у него в глазах цветные круги прошли, а сердце немного успокоилось, спросил:

– Зачем держала?

– Я не девка блудливая, чтобы мне было соромно понести от собственного мужа. Челядь уже шепчется за спиной, что князь женился на бесплодной.

– Люба моя, я очень боюсь тебя потерять, потому берёгся, ты годами-то ещё малая.

– Для того я и шла под венец, чтоб детей рожать, а от тебя любый мой, мне токмо в радость понести.

Однажды натешившись, они лежали, обнявшись, она прошептала:

– Любый – я непраздна…

До него не сразу дошёл смысл сказанного, и он промолчал. Дарёна вроде обиделась, а потом князь поплатился за своё невнимание к супруге, получив удар кулачком по рёбрам.

– Эй, князь, ты чё не радый? – возмутилась княгиня и оперевшись на локоть нависла над ним.

– Люба моя, ты о чём молвишь, я не понял?

– Говорю, понесла я! – крикнула она ему прямо в ухо.

– О, Господи! Люба моя! Иди ко мне, – Радослав обнял Дарёну, одарил её жарким поцелуем, зарылся носом в её густые рыжие волосы и блаженно закрыл глаза.

«Скоро уже!» – подумал Радослав. Дарёна уже на последнем сроке.

Княгиня почувствовала тяжесть внизу живота. Её отвели в ложницу и уложили в постель. Её горничная вбежала в народную палату.

– Князь! Там у княгини началось.

– Где лечец?! – закричал Радослав.

– Лечец в ложнице около княгини, токмо он молвит, что ничего сделать не может.

В несколько шагов Радослав взлетел по лестнице и ворвался в ложницу к супруге. Шторы были задернуты, в комнате горели свечи. Метнувшись к постели, князь с ужасом взглянул на Дарёну. Лицо её было бледное, пальцы судорожно сжимали простыню, на верхней губе выступили капельки пота.

– Где этот проклятый лечец? – резко спросил Радослав горничную.

Даже от его резкого голоса, Дарёна не пошевелилась. «Пресвятая Богородица, неужли она примёрла?!» – подумал князь, наклонился и приложил ухо к груди. Сердце билось слабо, но ровно.

– Где лечец? – повторил он громким шёпотом, обернулся и огляделся кругом.

– Здесь я, княже, – раздался голос из угла ложницы.

Вперёд выступил высокий седой старик. Радослав враждебно посмотрел на него.

– Чё происходит? – едва сдерживая гнев, прошипел он.

Бедняга лечец не знал, куда деваться от страха. Ну, как сказать князю правду? Как сказать, что ребенок слишком крупный, и бедняжка едва ли сможет разродиться?

– Пошто молчишь? – торопил его с ответом Радослав.

Собравшись с духом, он описал создавшееся положение: в лучшем случае удастся спасти ребенка, большего он гарантировать не может.

– Быстро повитуху сюда! – приказал князь, обернувшись к горничной княгини, – бегом!!

Вскоре привезли повитуху, пожилую, степенную матрону. Её тёмно-серые глаза были ясны, густые широкие брови хмурились, длинный тонкий нос заострялся, нависая хищным орлиным клювом, лоб бороздили глубокие морщины. Она вымыла руки, подошла к Дарёне и, осмотрев княгиню, сказала прямо:

– Слаба больно, княгинюшка, а ребёнок крупный, но я попытаюсь ей помочь.

Дарёна лежала в глубоком забытьи, а когда приходила в себя, слышала чей-то приглушённый шёпот и горестные вздохи слуг. Боль то утихала ненадолго, то снова окутывала её, раздирала на части. Она цеплялась за простыни, извивалась, корчилась и кричала.

– Радослав! – закричала она.

– Я здесь, люба моя, – ответил он через силу, и Дарёна, с трудом открыв глаза, увидела его лицо, его глаза, смотревшие на неё с тоской и любовью, попыталась протянуть к нему руку, но не было сил даже пошевелить пальцем.

А князь стоял возле её ложа, повторяя про себя: «Господи, помоги ей! Господи и все святые, помогите ей!» Погруженный в безмерное отчаяние, он вышел из ложницы и остался стоять за дверью, не в силах выносить мук Дарёны. Когда князь совсем измученный переживанием за свою супругу уже еле держался на ногах, в дверях показалась повитуха.

– С великой радостью тебя, княже, Радослав Изборович! Княгинюшка разрешилась от бремени славным сыном. С наследником тебя, князь!

– Как себя чувствует княгиня? Она будет жить? – тревожно спросил он повитуху, боясь услышать ответ.

– Да, княже, она молода, всё будет хорошо.

Он стремительно вошёл в ложницу, подошёл к постели, где возлежала мать с младенцем, подхватил на руки сына и возвестил:

– Люди!! Этой мой сын, Светозар! – склонился к Дарёне и поцеловал её в лоб, – спасибо тебе за сына, люба моя!

Радослав держал сына, боясь раздавить кроху. Чувства, которые обуревали его сейчас, словами передать было невозможно. Внезапно ребенок сморщил личико и закричал. Князь растерянно посмотрел на него и начал качать. Дарёна, глядя на мужа и сына улыбалась и счастьем светились её глаза.

– Дай мне его! – услышал князь.

Радослав подошёл и протянул ей сына.

На третий день Дарёна уже вставала, носила сына на руках, напевая ему что-то потихоньку. Она уже знала, что князь должен бежать с дружиной в Новгород. Ей не хотелось его отпускать, но делать нечего, он на службе и обязан подчиниться приказу.

Вскоре провожали дружину в Новгород не только родные, но пришли проводить и совсем незнакомые люди. Дарёна вышла за ворота с сыном, протянула Светозара Радославича князю, он приложился к лобику сына, поцеловал жену и вскочил в седло. Оглядываться не стал, чтобы не рвать разлукой своё сердце.

Глава 3

– Ну, блин, приколисты, – сплюнул с досады Иван, – точно, вредно пить из мелкой посуды. Пил бы из Тимохиного ковшика, спал бы сейчас в казарме сном праведника.

Они проводили взглядом странный отряд с надетыми на головы капюшонами чёрных плащей и, когда те скрылись за деревьями, Иван достал сухпаёк и стал его медленно жевать, запивая водой из фляжки. Василий жевал тоже медленно, но не потому, что был не голоден, а чтобы растянуть удовольствие. Но, как не растягивай, а сухпаёк закончился. Василий попил водички, достал сигареты и закурил, а Иван с удовольствием растянулся на траве, закрыл глаза и задумался. Он ни разу в своей недолгой жизни не попадал в такие ситуации, когда не видел выхода, и теперь ему не приходило в голову ни одной дельной мысли, что делать и как выбраться отсюда. А самое главное, возникло ожидание чего-то необычного и, даже, страшного. Теперь им придётся блуждать по чужим лесам, полным неожиданностей. Он лежал и напряжённо вслушивался, но ничего, кроме привычных лесных звуков не было слышно. Через некоторое время, уже засыпая, он услышал голос Василия:

– Вань, спишь?

– Не-а…

– А почему глаза закрыл?

– Зрение экономлю…

– Кончай спать, Ванька, вставай, пойдём, надо выбираться отсюда. Там нас, наверное, Димитрий Беденик… Бенекит… Бекенид…, тьфу ты, зараза, не свихнув языка, не выговоришь, короче, капитан уже нас обыскался и всех поднял «в ружьё» искать дезертиров.

Василий затушил окурок и встал, рубанул воздух ладонью, показывая направление.

– Туда пойдём.

– Почему туда? – засомневался Иван, – не заблудить бы.

– Блуд – это грех, – заметил Василий, – хотя вся наша жизнь с ним связана. Любим мы девок. А здесь мы, считай, уже заблудились, потому что вообще непонятно в какую сторону идти и где искать людей. Вот, блин, попали!

– Пойдём наугад, куда-нибудь да выйдем. Может, в лесу кого встретим. Нам бы узнать, где мы, тогда можно будет думать, как отсюда выбраться.

– Ага! Вот совсем недавно встретили тут одних, если бы они увидели нас, ещё неизвестно чем бы всё закончилось.

– Вань, пока у нас есть автоматы и патроны, мы себя в обиду не дадим.

Они шли по лесу без тропинок. Не потому что им было всё равно, где идти, а просто в этом лесу тропинок не было. Видимо так далеко люди не забредали, правда и звериных троп тоже не было. Сосны, берёзы и осины были такие же, как дома, те же ромашки, но Ивана не отпускало ощущение, что здесь всё чужое, даже, бабочки над цветами летали такие же, как в родном лесу, но всё равно какие-то чужие. Только комары кружились вокруг них такие же злые, как дома.

– Вась, тебе не кажется, что здесь всё чужое? – поинтересовался Иван у приятеля.

– Мне с самого начала это кажется, когда я из леса шагнул в степь! – твёрдо сказал Василий.

– Нет бы, сразу метнуться назад, а он завис в степи.

– Да я растерялся, пока осматривался, ты появился, а рамка сразу потухла.

– Глянь, каменная баба под деревом.

– Везде тебе бабы мерещатся. Это с похмела.

– Вась, ну ты посмотри, вон стоит, – осуждающе Иван покачал головой, – ладно, шевели ногами, сейчас увидим.

Они свернули в сторону и целеустремлённо зашагали к идолу. Иван шёл молча, мерил степь длинными лосиными ногами, Василий бултыхался позади, хотя он был одного роста с Иваном, но, похоже, сам себя задвинул на второй план, чтобы не принимать ответственных решений, ему было привычнее подчиняться. Подошли к дереву, под которым стоял каменный истукан, остановились и стали рассматривать его. Иван присвистнул:

– Э-э, Вася, это же не баба, а мужик!

Василий остановился напротив идола, а Иван стал медленно обходить его вокруг. Грубо вырубленное хмурое лицо, вместо глаз были вставлены прозрачные голубые камешки, как льдинки. Но при всей его суровости, глаза идола словно лучились изнутри. В руке меч. Борода. А под бородой, на левой стороне груди… Иван замер. Протёр глаза, посмотрел ещё раз. На левой стороне груди, над сердцем, угадывалось грубое полустёртое изображение солнечного диска и змеи, готовой напасть. Он осторожно потрогал изображение на идоле, потом непроизвольно прикоснулся к своей груди в том же месте, где у него была татуировка такого же изображения. Почувствовал, как от его татуировки по телу пошло тепло, как будто прикоснувшись к знаку на идоле, потом на своём изображении он установил связь с языческим божеством. Иван прикрыл изображение рукой, и в голове мелькнула мысль: «Почему татушка потеплела? Какая связь?» Но ответа не было. Да и вообще с появлением этой татуировки на его груди была целая история, и теперь он задумался, чем это ему грозит… или не грозит. Может, Судьбой ему было предназначено попасть неизвестно куда, а эта татуировка, как пропуск, типа «я свой», а, может, это работает как оберег.

Перед идолом лежала курица, с отрубленной головой и вокруг неё было окроплено кровью, и губы идола тоже были намазаны кровью. Василий положил руку на статую и тут же отдёрнул – камень показался неожиданно очень горячим. Толи божество разгневалось на них, толи готово было к диалогу, скорее монологу, готов был выслушать их. Василий молча смотрел на идола, а Иван стал шептать.

– Великий Перун, даруй нам щит на время пребывания в этих незнакомых местах. Мы в долгу не останемся! Не со злом мы пришли, а скорее по недоразумению, по крайней мере, мы так думаем, пока не выяснится иное, – прошептал Иван и потрогал свою татуировку на груди.

– Вань! Ты молишься что ли, этому идолу?

– В нашем положении не лишне и помолиться, попросить защиты у местных богов.

– Это похоже на место поклонения, значит, это какой-то местный бог. А, курица без башки, это жертвоприношение, – проявил чудеса догадливости Василий.

– Это, Вася, Громовержец Перун, защитник воинов.

– Всё-то ты знаешь, умник, а может, ты знаешь, как нам вернуться в родную часть?

– В часть не знаю, как вернуться, а вот судя по свежей курице на жертвенном камне, можно предположить, что где-то недалеко отсюда живут люди. Может деревня, а, может, просто хутор. Правда, мы не знаем, в какую сторону идти.

Над головой грохнуло, яркий ветвистый шрам молнии распорол небо и осветил ярким светом идола. Иван посмотрел на небо, оно было затянуто чёрными дождевыми тучами. Он удивился, вроде их не было, хотя…, кто бы за ними следил, набежали и закрыли солнце. В лесу сразу стало темно и вдвойне неуютно. Пронзительный свет молнии ослепил глаза, и в них сразу потемнело, а гром как будто расколол небо пополам и загремел так, что земля задрожала под ногами. Иван вскрикнул, расстегнул форменную куртку и приложил руку к татуировке на груди, её жгло огнём. Показалось даже, что изображённая на фоне солнечного диска змея зашевелилась, свиваясь в тугие кольца. Осторожно потрогал кожу, жжение стало проходить, но покраснение вокруг ещё оставалось. Иван не знал, что бы это могло значить, почему его татуировка так среагировала на молнию и гром, и решил не париться по этому поводу, потому что всё равно не знал, что обозначает этот рисунок, скорее всего, что-то связанное с Перуном,

ведь не случайно оно активировалось и зажгло кожу. «Похоже, меня Перун прописал». Василий увидел, что друг держится за грудь и поинтересовался:

– Вань, чё держишься за грудь? Только не говори, что с сердцем плохо.

– А то что?

– Я же тебя не дотащу, даже, если бы знал куда идти, поэтому придётся мне принести тебя в жертву этому идолу.

– Я не знал, что ты такой гад, Васька!

– Ладно, а, если без шуток, что случилось?

– Да у меня тут татушка, она как-то странно среагировала на гром и молнию, жечь её стало.

– Ну, раз всё в порядке, пора где-то прятаться от дождя, а то щас как ливанёт!

Иван удивился, что друг пропустил мимо ушей то, что Иван сказал про свою татуировку и реакцию на молнию. Боясь попасть под дождь, друзья стали присматривать ель погуще, чтобы спрятаться от ливня. В небе громыхало всё чаще, яркий свет молний огненным мечом втыкался в землю. Гром грохотал так близко, словно Перун грозился наказать друзей за непочтительное отношение к нему. Где-то далеко снова грозно пророкотал гром, и первые крупные, редкие и тяжёлые дождевые капли упали на сухую землю. На миг всё замерло, но уже через пару минут началась настоящая вакханалия. Ветер бешено крутил и гнул ветви грозно шумящих деревьев. Цикады в траве притихли. И вдруг мощные струи косого дождя хлынули потоком. В лесу стало темно, как будто ночь обрушилась как-то сразу. Из-за плотных туч темнота стала вязкой, непроглядной. Они сидели под густой елью. Иван решил поделиться с другом своей озабоченностью.

– Вась, у меня на груди татушка такая же, как у этого идола и тоже на левой стороне груди.

– Да ладно! Точно, что ли?

– Точно.

– А кто тебе её сделал?

– А это вообще какая-то мистика. Иду по улице, смотрю, такая небольшая дверца в стене какого-то здания, читаю, татуировки любые, по желанию заказчика. Я никогда не интересовался татуировками, а тем более себе сделать, а тут как будто меня туда магнитом потянуло. Захожу ради интереса, мужик на меня только глянул, меня сразу туманом заволокло, и я тут же отключился. Очнулся, сижу на лавочке в каком-то дворе и чувствую жжение на груди, расстегнул рубашку, а там вот это изображение. Я встал и пошёл в ту мастерскую, хотел этой твари в зубы дать, иду и ничего не могу понять: улица та же, а никакой мастерской там и в помине нет.

– Стало быть, ты неотмщённым остался? Обидно.

– Да не то слово!

– Покажи татушку, – попросил Василий, приподнимая повыше ветку ели, которая накрывала его голову.

Иван расстегнул пуговицы, отодвинув с левой стороны груди куртку, оттянул тельняшку и слегка развернулся к другу, чтобы ему было удобнее рассмотреть рисунок.

– По-моему это что-то языческое.

– Может и языческое, но почему я? И ведь мастерской на том месте не оказалось, а мужика я вообще не успел рассмотреть.

– Ладно, всё равно мы ни до чего не додумаемся, поэтому послушай, что ты слышишь?

– Ничего не слышу.

– Вот именно, дождь закончился, и ветер стих, вставай, пошли дальше. Надо выбираться из леса.

«Ох, грехи наши тяжкие…», – ворчал Иван, выползая из-под мокрой ели, с которой не менее сильным дождём полилась вода ему за шиворот. Они выбрались из-под развесистых лап, потянулись, отряхнули с себя траву, влажные иголки и оправили одежду. Вокруг темнели

вековечные стволы старого ельника, густого и мрачного. Шли по мокрой траве, под ногами сочилась вода. Они прошагали весь день, сделав лишь один небольшой привал – слегка подкрепились остатками сухпайка, запили водой и пошли дальше. Лес казался загадочным и таинственным. Может, потому у них было ощущение чужого леса и всё время ждали от него каких-то неприятностей. Там царил полумрак, и как в любом густом лесу, с неохватными стволами кедра и дуба, далеко не видно, а поэтому глаза постоянно утыкаются в деревья, им не хватает простора и они быстро устают. Это не то, что где-нибудь на обширных луговых просторах или в степи. Глубокая тень тоже настраивает на особый лад, наполняет ожиданием чего-то….

– Ох, скорей бы показалась деревня, или какие-нибудь люди, например, охотники… или грибники, – сетовал Василий, еле передвигая ноги и с тоской посматривая по сторонам.

– И всё б сбылось, но зазвонил будильник, – улыбнулся Иван, уголком губ, сокрушённо помотав головой. Пора остановиться на ночлег, пока наберём хвороста на костерок и стемнеет.

– А потом?

– А что потом? Спать будем, а утром подумаем, куда направить свои стопы.

– Вань, у тебя не осталось чего-нибудь пожевать?

– Не осталось. Воды попей, полегчает.

После прошедшего ливня сложно было найти сухие ветки, но побродив вокруг небольшой полянки, на которой решили остановиться на ночлег, набрали веток. Иван развёл костёр, подкинул в него хвороста. Сейчас вроде бы настало время спокойно, не спеша обдумать, как быть и что делать, но после дневного марша не только ноги гудели, но и всё тело требовало отдыха. Попили водички и повалились спать, сунув в костёр обломок с трудом найденного почти не промокшего ствола. Рюкзаки положили под голову, а автоматы себе под бок, чтобы были под рукой на всякий случай. Кто знает, что за обитатели тут живут? Тихо было в лесу, правда, где-то вдалеке выли волки. Опасность ещё та, хорошо, если не нападут ночью. Слава богу, что далековато воют, может и не почуют. Уснули сразу, намаялись за день, даже шалаш не стали делать, да без него безопаснее, обзор шире, в случае чего. Иван вдруг задёргался, захохотал во сне и разбудил Василия. Тот приподнялся на локте, смотрит на друга в недоумении, а тот продолжает хохотать. Василий сунул ему кулаком в бок, Иван дёрнулся, открыл глаза и уставился на Василия невидящим взглядом, но постепенно взгляд стал осмысленным.

– Ты чего, Вась? Случилось что?

– А ты чего дёргаешься во сне и хохочешь? Разбудил меня.

– Так сон смешной приснился. Еду я в автобусе, рядом со мной стоит девушка и тут какая-то женщина на неё начинает кричать, что та не надела под блузку лифчик. Мол, разоделась, мужчин провоцируешь. Девушка спрашивает: «Кого, например, я провоцирую?» А женщина тычет в меня пальцем: «Вот его! Он ещё совсем молоденький, а ты его совратить хочешь? А ты знаешь, что за это дело тебе статья светит?» А девушка посмотрела на меня, хитро улыбнулась, схватила меня за руку и потащила из автобуса со словами: «Пойдём малой, совращать тебя буду, чтобы тёткины обвинения не были голословными». И только мы вышли из автобуса и тут ты со своими кулаками. Мог бы и подождать немного, интересно же, чем бы всё закончилось.

– Ну, чё уж теперь. Вставать будем? – Василий снова лёг, повернулся на спину и немного повозившись, улёгся поудобнее и прикрыл глаза, решив ещё немного полежать перед новым марш–броском, и как только заснул, как прилетела ответка кулаком в рёбра. Василий подскочил, Иван, приложив палец к губам, показывал ему молчать.

Они услышали бряцанье железа и ржание коней. Спрятаться было негде, поэтому друзья вскочили и схватились за автоматы. Василий стоял вторым номером чуть позади Ивана, держа автомат наизготовку, форменная фуражка надета козырьком назад. К ним подъехали четверо вооружённых всадников и, главное, (мать твою!!) все с луками, со стрелами в колчанах, с мечами в ножнах на поясе и в странной одежде.

– Вась, глянь, тут прям средневековье какое-то, мечи, кольчуги, шлемы.

– Если что, первых валить надо стрелков с луками, от стрелы не убежишь, только умрёшь уставшим, – зашептал Василий.

– Патроны надо беречь, если понадобится, стреляем одиночными.

Вперёд выехал на гнедом жеребце чернобородый мужик, из-под кафтана виднелась серая посконная рубаха, кожаные штаны и кожаные мягкие сапоги. Сбив шапку набекрень, он сверкнул бездонными глазами цвета предгрозового неба, тонкие губы растянулись в зловещей улыбке.

– Вы хто таки? Откель?

– Спецназ из Сибири, – отчеканил Иван по-военному, только руку не приложил к козырьку, – а вы, простите, кто будете и откуда?

– А щас узнашь, хто мы таки. Лука! Проверь ихи сумы, да пазухи.

Лука, жилистый высокий мужик с небольшой редкой бородкой, мигом спешился и стал приближаться к друзьям с широкой улыбкой. Иван снял автомат и подал его Василию, а сам выхватил из ножен висевший на поясе десантный нож и взмахнул, парень пригнулся, лезвие со свистом разрезало воздух и воткнулось в землю по рукоятку. Парень оказался ловким, за это время успел вытащить меч и едва не пронзил Ивану грудь, хорошо он успел отпрыгнуть и с разворота нанёс сильнейший удар парню в голову пяткой, вернее каблуком берца, да так, что супостат, отлетев к дереву, впечатался в него и сполз по стволу на землю и затих.

– Еще раз протянешь ко мне руки, урод, протянешь ноги. Забью, как мамонта. Чтобы я тебя, образина, на своём пути больше не видел! – вскипел Иван, подошёл, вытащил нож из земли вытер его о траву и засунул в ножны.

Чернобородый дёрнулся, выхватил меч из ножен и, замахнувшись, направил своего жеребца на Ивана. На тонких губах врага заиграла торжествующая усмешка, а в тёмных, с презрительным прищуром его глазах, словно бы улыбнулась смерть. В тот же миг Василий выстрелил и прострелил ему правую руку, меч из руки выпал, а жеребец с испугу отпрыгнул далеко в сторону. Чернобородый зажал запястье, кровь просочилась сквозь пальцы и капала на землю. Лучники стояли в стороне и наблюдали за дракой и то, что они увидели, им очень сильно не понравилось, особенно Перунов гром и молния, вылетевшая из железки. Они ждали команды своего вожака, чтобы схватиться за луки.

– Лука вставай! Яшка! Подыми Луку, развалился как мертвяк. Уходить надобно, – чернобородый повернулся к Ивану, – енто чё за штука, откель громы и молоньи вылетают?

– Это автомат мужики, очень серьёзное оружие и вам лучше убраться отсюда подобру-поздорову.

– И чё, ента штуковина может убить быстрее, чем стрела?

– Пока твой стрелок приладит стрелу на тетиву, да прицелится, этой штуковиной можно положить десяток таких, как вы.

– Давай меняться, я те коня, а ты мне енту штуку.

– Нет, дядя, коней ты нам и так дашь, пусть твои стрелки отдадут нам свои луки со стрелами и коней, а мы вас отпустим живыми.

– А, ежли мы не отдадим коней?

– Ну, это ты зря, как твоя рука себя чувствует? Кровь до сих пор бежит?

– Бежит, – чернобородый покосился на железку в руках Василия.

– Да ладно! Зато ты жив…, пока. Вели своим разбойничкам отдать нам коней и оружие.

– Мотька, Лис! Отдайте коней. Лука! Вставай, хватит валяться, Яшка помоги ему взобраться на конь и сам с ним садись.

Яшка потянул Луку за руку, помогая ему встать, тот поднявшись, помотал головой, посмотрел мутным взглядом на Ивана.

– Мы ишшо встренимся, я тя запомнил.

– Лука, взбирайся на конь, Мотька, а вы с Лисом бегите пешком в стан, – чернобородый развернулся и скрылся за деревьями.

Иван принял коней у Мотьки с Лисом, забрал луки со стрелами и махнул им рукой, мол, свободны. Те бегом кинулись в лес. Иван с Василием проводили их взглядом, потом Василий вернул Ивану автомат и хохотнул.

– Вань, у нас с тобой как в анекдоте получается: «Изя, как мы с тобой домой поедем? – Софочка, а как ты хочешь? – А как правильно сказать: «порш» или «поршэ»? – Дорогая, таки правильно сказать: «троллЭйбус». – Вань, а ты умеешь ездить на лошади? Лично я не умею.

– И я не умею.

– А зачем ты у них тогда забрал коней?

– Да я уже ноги по колени стёр, бегая тут по лесам.

– Значит, будем осваивать. У них, где тормоз, Вань?

– В зубах.

– Тогда поехали? Есть всё равно нечего.

– Поехали, – Иван, тяжело вздохнув, пристроил колчан со стрелами в рюкзак, накинул его на плечи, закинул на плечо автомат, лук надел через голову поверх рюкзака, подошёл к коню и стал вставлять ногу в стремя. Василий стоял подбоченясь и наблюдал за Иваном, сорвав травинку, взял её в зубы и гонял её из одного угла рта в другой.

– Вань, у тебя сигареты есть? Дай закурить.

– Некогда, поехали.

Неохотно разомкнувшись, зеленые ветви елей выпустили путников, и друзья покинули полянку, которая приютила их на ночь, и отправились дальше в поисках людей. У тех четверых, которые поделились с ними лошадьми, они забыли спросить, где находятся и далеко ли до населённого пункта.

– Вань, я думаю, если эти разбойники здесь по лесу шастают, значит где-то недалеко должны быть люди.

– Должны быть…, – еле удерживаясь в седле, ободряюще улыбнулся он.

– Только пока мы до них доберёмся, ночь наступит.

Отдыхать было еще рановато, а ехать уже не было никаких сил, сёдлами стёрли все ноги, да и лошади вели себя беспокойно, наверное, чувствовали чужаков. У Ивана было предчувствие радикальных изменений в жизни, теперь возвращение домой ему казалось сомнительным и сердце его начинало ныть, когда он вспоминал родителей.

– Вань, а если мы только к ночи доберёмся до людей, где мы кого будем искать ночью, да и пристрелить могут, не спросив как звать.

Нехорошо добрых людей в позднее время тревожить, да их ещё найти надо. Лучше переночуем здесь где-нибудь, а на заре отправимся дальше. У меня уже зад стал деревянным от этого седла и ноги стёрты. Гадство, болит всё.

Скрипели над головой деревья, посвистывал в ветвях ветер, подавали негромкие голоса птицы, где-то стучал дятел, добывая себе пищу и легче становилось на душе от существующей рядом невидимой жизни. К концу дневного перехода друзья приуныли. Таращиться на пейзаж надоело, он оказался хоть и насыщенным, но весьма однообразным. За деревьями догорала вечерняя заря. Осталась одна только бледно-багровая полоска, да и та стала подергиваться мелкими облачками, как уголья пеплом. Бойцы спешились и отвели коней в овраг, где было небольшое озерцо, и пустили пастись, а сами вернулись наверх и стали рубить лапник для ночлега. Устроились спать под ветками густой ели, которая прикрывала их от чужих глаз. Вскоре ночь вступила в свои права и на её чёрном небесном полотнище появились яркие звёзды. Отчаяние всё больше овладевало ими. Но молодой организм требовал отдыха и вскоре они крепко уснули.

Под утро Ивана объял пресладкий сон: будто бы сидит он в обнимку с Марусей, дочкой майора, в парке на скамеечке, летнее солнышко пригревает, старые дубы ласково шумят листвой над головой, птички на ветках пересвистываются. А озорная девчонка, голубоглазая красавица с длинной чёрной косой, обвила его шею руками и шепчет: «Поцелуй меня, Ваня!» А он и рад, обнял её крепко и тянется к ней губами. И вдруг получает пинок по ноге, а потом вдруг скатывается с ложа. Открыл глаза и ничего не может спросонья понять, осматривается, а рядом Василий злой с кулаками наизготовку.

– Васька, такой сон не дал досмотреть. Ты уже второй раз меня обламываешь, чего кулаки-то свои распускаешь? – сонно хлопая глазами, возмутился Иван.

– А ты чего обниматься лезешь? Я тебе чё, девка?

– Ох, блин, ну прости. Сон приснился, как будто я с Маруськой, майорской дочкой обнимался, она попросила поцеловать её, а ты же знаешь, меня два раза просить не надо.

– Ага, я с тобой ещё не целовался! В другой раз в глаз получишь.

– В другой раз я рядом с тобой не лягу, а то ты всегда меня обрываешь на самом интересном месте.

Начинался рассвет. Деревья уже обрели чёткие очертания. Над землёй стелился туман. Вставать было рано и они решили ещё немного вздремнуть, вдруг услышали тыгдык-тыгдык-тыгдык, громкий заполошный перестук копыт недалеко от того места, где они лежали под елью. Он вырвал их из сонного забытья! Друзья открыли глаза и, приподняв головы, насторожились и затихли, стараясь, даже, дышать через раз, чтобы их не заметили и не услышали. В этом мире они ещё не знали где свои, а где чужие и не хотели попасть на дыбу или что там у них…, на плаху под топор палача или на кол, как шпионы, а может и в рабство. Им ведь пока неизвестно в каких временах находятся, если тут мужики носятся по лесу с луками, стрелами и мечами.

Дозорные, по крайней мере, друзья решили, что это были дозорные, проехали мимо, но вдруг из оврага послышалось ржание коней, они, быстро развернулись и помчались к оврагу. Двое остались наверху, а двое, оставив своих лошадей под присмотром сослуживцев, пошли вниз. Вскоре не рассёдланных коней, вывели наверх и стали, о чём-то рассказывать, взмахивая руками в сторону оврага. Кони были без пут и дозорные, скорее всего, решили, что они откуда-то пришли, их привязали к своим сёдлам и отправились дальше. Когда дозорные скрылись за деревьями, друзья переглянулись.

– Кто-то вчера жаловался, что зад у него от седла деревянный и ноги нахрен стёрты, – ухмыльнулся Василий.

– Да, теперь всё пройдёт, но пешком медленнее. Хотя…, есть свои преимущества, можно быстро юркнуть за дерево и спрятаться, а с коником не получится, если мечом не достанут, то стрелой догонят.

– Надо выходить к людям и прибиваться до поры к кому-нибудь. Крыша нам нужна Ваня.

– В своё время на дискотеках мы с пацанами всякое бычьё гоняли, крушили челюсти налево и направо, а теперь от каждого куста шарахаемся.

– Волкам пожалуйся, – посоветовал Василий другу.

– Сейчас кто-то сильно смелый огребёт, – огрызнулся Иван.

Хвойные великаны, упираясь верхушками в небо, были молчаливы. Все невзгоды кедры, ели и сосны выносили молча, только скрипели, возражая, когда не в меру разбуянившийся ураган выворачивал из земли слишком старый кряж, гнул и ломал молодое, выбравшее себе несчастливое место дерево или когда молния, деля небо пополам, ударяла в дерево, опаляя его ветки. А можжевельник щетинился ежом под любой непогодой, радуясь лишь летнему тёплому солнышку.

Туман ещё не сошёл, в лесу было сыро и парило. День обещал быть жарким. Трава и ложе, сооруженное под елью, покрылись влагой. Друзья отправились к неглубокому оврагу,

там, у неохватной толщины дерева бил из-под земли родничок и, журча, стекал в озерцо на дне оврага. Вода в нём была студеной и вкусной. Набрав полные фляжки, они напились впрок, чтобы хоть водой заполнить желудок. Бойцы не могли похвастаться тем, что били влёт птицу или доставали точно в глаз шуструю белку, а потому даже и не пытались тратить стрелы, а тем более патроны. По пути собирали ягоды, запасались грибами на случай привала, чтобы на прутиках пожарить. Пробудились птицы, солнце уже достаточно поднялось над горизонтом, значит, скоро туман исчезнет.

Идти стало труднее – цеплялся за ноги густой подлесок, колючие еловые лапы царапали руки и лицо. Небо над могучими деревьями покрылось плотными серыми облаками, на глазах становясь тёмными и низкими. Зверьё в лесу куда-то попряталось, птицы не перепархивали с ветки на ветку, белки перестали цокать над головами и исчезли из виду, то ли люди их испугали, то ли непогоду почуяли. Друзья уже начали присматривать удобное место под какой-нибудь раскидистой елью, как вдруг задул верховой ветер, раскачал вершины деревьев, разогнал тучи, и вот уже между тучами стало проглядывать солнышко.

– Кажись, пронесло! – порадовался Василий.

Шли долго, временами, увидев съедобный гриб, отвлекались и бродили поблизости в надежде найти ещё грибы. Иногда им попадались семейки, и они радовались им, как дети новой игрушке. Набрав грибов, разводили костёр и жарили их на прутике, на десерт набирали в горсти землянику и чернику, потом запивали водой по несколько глотков и шли дальше. Воду приходилось экономить, только, когда набредали на родничок, напивались от души, пополняли запасы и шли дальше.

Начало вечереть. Хотя небо еще было светлое, но солнце уже скрылось за деревьями. Большого желания брести ночью в потемках по лесу, спотыкаясь о корни, у друзей не было. Да, если бы ещё знать, куда идти. Прошло минут сорок, и вокруг уже почти не было видно ни зги. Продираться сквозь заросли кустарника в темноте, да в незнакомом лесу они не стали. Выбрали в ложбинке место для ночлега, чтобы огонь никого не приманивал. Развели костёр, нанизали на прутики грибы, собранные по пути, нарезали лапника для ночлега и стали ждать, когда их ужин будет готов. Огневеда вышла на поляну, еле освещённую зарождающимся месяцем. Слева из ложбинки наносило дымом и запахом грибов. Чёрный огромный котище с зелёными глазами сидел на плече у ведицы. Он почувствовал запах волка, и сразу шерсть у него встала дыбом. Белый волк вышел из кустов и лёг недалеко от ног ведицы. Кот фыркал и зло смотрел глазищами на волка. Ведунья подошла к костру, села, закуталась в плащ и посмотрела на бойцов.

Глава 4

Друзья удивлённо смотрели на молодую женщину, в таком странном окружении гуляющую ночью по лесу.

– Добро пожаловать к нашему огоньку. К сожалению, ужин пока не готов, вина тоже нет. Если хотите, вот, вода во фляжке, – Иван протянул фляжку девушке.

– А вам не страшно ночью в лесу одной? К нашему костру подошли, а вдруг мы разбойники? – улыбнулся Василий.

– Не страшно. Обычно люди меня боятся, хотя я никому ещё зла не сделала. Я ведица, а некоторые кличут ведьмой.

– А вы, правда, ведьма? – поинтересовался Василий.

– Могу. Я много чего могу.

Всадник появился из леса над ложбинкой и направил коня к костру. Друзья испугались, когда он подъехал, но виду не подали. Вряд ли кто-то патрулировал эту дикую местность, где разгуливали шайки разбойников. Сейчас, при свете полной луны, ночлег в ложбинке друзьям представлялся весьма небезопасным. Да и было ли в лесу безопасное место, когда кругом бегают разбойники с луками и мечами. Одежда всадника указывала на то, что перед ними не простой ватажник, а скорее главарь разбойников. Темный кафтан с кольчужными наплечниками, кожаные штаны, высокие сапоги, всё это было хоть и простое, но дорогое. И вороной у него был чистых кровей. Мужчина был крупным, широкоплечим. Длинные волосы обрамляли его продолговатое лицо, с резко выдающимся вперёд носом с горбинкой, на подбородке красивая ямочка вырисовывалась. Выглядел он лет на тридцать, на молодом лице застыло замкнутое и враждебное выражение. Подробнее при свете костра было не разглядеть, да бойцам и не надо было. Всадник спешился, подошёл к костру, двигаясь уверенно, по-хозяйски, как у себя дома и сел без приглашения.

– Кто таки, откель бежите? Чё везёте? – незнакомец сразу приступил к допросу. Голос был басовитый, уверенный, присущий большим сильным людям.

– А ты кто такой, хохол гребаный, нам вопросы задавать, тундра неогороженная? Кто, кто… Хрен в манто. Сиди, грейся у нашего костерка и не спрашивай ни о чём. Мы же у вашей ватаги не спрашиваем, что вы ночью делаете в лесу. Развелось вас тут любителей по лесам бегать за лёгкой добычей. – Иван обвёл взглядом спешившихся всадников, стоявших чуть поодаль с наглыми ухмылками на лицах.

– Вы отроки не дерзите, а то я прикажу вас связать и повесить на ближайшей сосне. Сухая мозолистая правица оглаживала рукоять меча.

– Ты мил человек успокойся и своих татей приструни, чтобы не хватались за луки, у нас вот автоматы, они стреляют быстрее стрел. Хочешь остаться без бойцов, могу показать, как работает автомат. И предупреди своих ватажников, замечу хоть одного, что берётся за лук, постреляю всех, не успеете охнуть. Незнакомец не поворачивая головы, приказал:

– По коням! – встал, подошёл к своему жеребцу, взлетел в седло, и не успел скрыться за кустами, ведица спросила:

– Богдан, а ты чё ночами то по лесам бегашь?

– Ну, я-то понятно, а ты ведица, пошто ночью не спишь? Холодно одной? Приглашай, погрею.

– Ммм, не боишься, что порчу на тебя наведу?

– А что я тебе плохого сделал?

Огневеда взмахнула руками и нарисовала невидимый охранный круг, внутри которого оказались Иван с Василием у костра, ведица, её белый волк и кот. Ватажники не рискнули стрелять, они за своим вожаком отбыли дружным строем. Ведица посмотрела на скудный ужин

друзей и тут же появилась скатерть, а на ней разнообразные угощения и даже хмельной мёд. Друзья были очень удивлены, всё было прямо как в сказке «скатерть-самобранка», но удивления своего не выказали, словно для них это было знакомо и привычно. Ели аккуратно, без жадности, хмельной мёд был выше всяких похвал, они пили его впервые и не знали его хитрых свойств. После плотного ужина да хмельного питья друзей быстро сморил сон.

– Девушка, вы ложитесь на еловые лапы, теплее будет, а мы рядышком с двух сторон, будем вас охранять, – предложил Иван, – вы нас не бойтесь, мы девушек не обижаем.

– Мы за охранным кругом, нас никто не тронет, так что спите спокойно, отроки. В крайнем случае, у нас есть волк, он самая лучшая охрана. Но за предложение благодарствую.

Друзья легли и сразу провалились в сон. Если бы ведица не поставила защитный круг, то любой тать мог подойти к ним и взять спецназовцев голыми руками. Они не зная, что такое хмельной мёд прикладывались к кружкам, пока ведица их не предостерегла. И сейчас спали крепким сном, а Огневеда сидела у костра, подбрасывала в него веточки и смотрела на необычных парубков без бороды и усов в необычной одежде и обуви. Она пыталась увидеть, откуда они, но видела только степь и их сидящих с понуро опущенными головами. Время от времени то один, то другой вскидывали голову и с недоумением осматривались вокруг. Она удивлялась, как такое может быть, ведь она сильная ведьма и до сих пор с ней такого не бывало, чтобы не смогла увидеть о людях ничего, вообще ничего. Это для неё стало загадкой, но как бы там ни было, они ей понравились, и ведица решила им помочь.

На рассвете они проснулись от сильного шума, это деревья метались верхушками под сильнейшими порывами ветра. Огневеда накрыла всех невидимым куполом и, прижав к себе своего кота, легла и сквозь полуприкрытые веки стала наблюдать за бойцами. Небо вдруг разразилось сильнейшим ливнем. Оно рыдало, тряслось, выло, рыдания тонули в шуме громадных деревьев. Парни лежали, наблюдая за ливнем, и как с еловых лап скатывается дождь. Их спасал купол, которым ведица всех прикрыла. Друзья смотрели на буйство стихий, сознавая их мощь и величие и, несмотря на то, что замёрзли до посинения, восхищались силами бушующей природы. Ливень быстро прекратился, но влага висела вокруг клоками тумана, цепляясь за стену тайги. Медленно-медленно туман густел, будто кто толкал его перед собой, сбивал в кучу и из его гущи раздавался какой-то странный звук. Медленно, постепенно он нарастал, множился, будто кто перекликался. В туманной глубине начало обозначаться что-то тёмное, угрожающее, движущееся исполинской мрачной расплывшейся фигурой.

– Отроки! Посидите молча, пущай это чудище пройдёт, – услышали они шёпот ведицы.

Вдруг налетел порыв ветра, что-то неожиданно как будто взорвалось, и мир вокруг изменился. Вроде всё было так же, но при этом совсем не так. И силуэт чудища бродившего в тумане неподалеку исчез, как растворился и воздух как-то свежее стал, и деревья выше, зеленее и ярче.

– Огневеда! Это ваши фокусы? – поинтересовался Василий.

– Ты, отрок, о чём молвишь? – ведица посмотрела на него с недоумением, невинно хлопая глазами и улыбнувшись одним уголком губ посмотрела, на преображённый лес.

– Да вот об этом, – Василий развёл руки и повёл вокруг взором, – Вань, ты заметил, как всё изменилось?

– Да, как-то неуловимо стало по-другому.

Огневеда не открылась им, что ей захотелось сделать им сюрприз, и решила лес раскрасить в яркие цвета, и получилось, что они видели тот же лес, но какой-то обновлённый, повеселевший что ли. Иван, посмотрев на лес, повернулся к ведице и залюбовался ею. Искусством обольщения Иван не владел, но мог быть доходчивым и не примитивным, мог шептать восторженные комплименты искренне и убедительно, вежливо улыбаться, делая вид, что с благоговением принимает то, что отдаётся ему с большой охотой. А эта молодая красивая женщина, была такой загадочной, и ему хотелось с ней пообщаться поближе, ну, откровенно говоря, лучше бы совсем близко-близко. От хрупкой женщины исходил аромат лесных трав и земляники. Огне-

веда, бросив на него хитрый взгляд, поняла о нём всё и, повернув к нему хорошенькое личико в обрамлении чёрных локонов, улыбнулась, слегка прикрыв веки, как бы одобряя его порыв. Но Иван в зародыше задавил в себе ненужные порывы и обратился к ведице с вопросом, который в данный момент его волновал больше всего.

– Огневеда! А вы не скажете, где мы находимся?

– В лесу.

– Нет, вы не поняли. Если вы ведица, то должны видеть всё, что с нами произошло.

– Что с вами сейчас происходит, я вижу, – её лицо озарилось такой красивой улыбкой, что Иван не смог удержаться и улыбнулся в ответ.

– Я ни это имел ввиду.

– Я зрю, что вы нездешние, но не могу узреть, откель вы прибежали. Щас мы находимся за два дни пути до Ладоги, но для вас эти дни могут растянуться на седмицу, ежли не дольше. В этих лесах стоко нечисти живёт, есть и опасные. Вот, например, вы щас такого видели. Очень опасное чудище, нападает на всё, что шевелится.

Иван встал с травы, потянулся так, что стало видно сквозь расстёгнутую форменную куртку, как под тельняшкой играют налитые силой мускулы, пригладил растрепавшиеся волосы. Ведица глядя на этого высокого сильного молодца, подумала: «Хорошо, что этот парубок не умеет читать мысли и угадывать желания». Она взмахнула рукой и из кустов выскочило чёрное, хвостатое, с рогами и давай скакать по полянке. Оно подскочило к Ивану и принялось размахивать конечностями перед ним. Иван не понял, кто это и махнул прикладом автомата, тушка рухнула на траву и пронзительно заверещала.

– Ты чё сделал?! Ты мне рог отломил! Как я теперь без рога буду? Хто мне возместит утерю?

– Чёрт? Этого просто не может быть! Они бывают только в сказках, – воскликнул Иван, ухмыльнувшись и изломав бровь, – Вася, девушка над нами шутит.

– Глупые вы, отроки. Ежли я начну шутить, вам мало не покажется. А эту нечисть, я призвала вам в помощь. Он вас проводит к людям.

– А хто платить мне будет за услуги? – ехидненько поинтересовался чёрт, поднимаясь на ноги, – жуткие времена у нас наступили! Князья, кмети, богатыри, ведицы, черти, домовые, лешие, русалки, водяные и ещё полно всякой нечисти и всем заплати, чтобы разрешили пройтить по их землям. Токо ентого белого волка, который ведицу сопровождат везде пропускают, я дажеть больше скажу, прячутся от него, вам же никода и в голову не придёт, чё енто оборотень.

– Да ладно! Оборотни бывают только в сказках, – не поверил Иван.

– Ха! Я что, тожеть сказка? Все есть, токмо апосля крещения Руси поприжали всю нечисть, приходится прятаться, а особливо от монахов и попов, обливают подлюки святой водой, а от неё потом так ломать начинает, что хочется лечь и помереть. Нам надобно молоко за вредность давать!

– А хворостиной не хочешь получить? Молоко ему…, – хмыкнул Иван и посмотрел на обидевшегося чёрта. – Вась! Ты слышал у нас о какой-нибудь нечисти?

– Её, наверное, всю повывели, ну, может, домовые ещё где-нибудь остались в старых домах. А, может, большинство нечисти ушло в подполье и затихарилось там.

Белый волк слушал их, помалкивая, задумчиво пожёвывая свой хвост. А за деревьями мелькали незримые тени лесной нежити. Ещё в первые дни травня в лесу наступило дурное время – беспокойное, звериное, лешачье. С тех пор и Белый Волк, время от времени, бросая свою ведицу Огневеду, выходил из чащи на поляну и начинал волчью призывную песнь, чтобы встретиться со своей волчицей. И большая загадка, почему на наших бойцов во время их путешествия по лесу никакая нечисть не напала, не считая разбойников, если, как говорит этот чёрт, их здесь полно.

– Ну, отроки, будьте здравы, а мне пора. Шер, пойдём, нам надобно ещё тра́вы пособирать, – ведица быстро поднялась и подхватив свою корзинку скрылась за кустами. Кот, задрав хвост, побежал за ней, ворча:

– Шер пошли туда, Шер пошли сюда, а када домой то побежим, бродим по лесу как бездомные.

Волк посмотрел на Огневеду, послушал ворчание недовольного кота, поднялся, потянулся и потрусил следом, – а бойцы, раскрыв рот, с удивлением смотрели вслед говорящему коту.

Не успела ведица скрыться в чаще, как из кустов, с другой стороны поляны выскочил зверь похожий на волка, только гораздо больше и мощнее. В кустах остановилась стая, не решаясь, напасть на добычу вожака. А вожак огромный, почти чёрный с горящими глазами и оскаленной пастью, он перепрыгнул через догорающие угли костра, опрокинул Ивана, длинный хвост зверя взметнул в небо яркие всполохи искр. Чёрт метнулся к кустам и исчез. Иван успел схватить обеими руками зверя за горло и держал. У него не было возможности достать десантный нож, чтобы защититься. Зверь раскрыл пасть, длинные клыки уже грозились вонзиться в горло Ивана, но Василий вовремя очнулся и дважды выстрелил в голову хищника. Он упал на Ивана, придавив его своей тяжестью. Чудище дёрнулось, из его пасти жарко пахнуло гниющей плотью, маленькие глазки вспыхнули ровным синим огнём и закрылись. Стая тут же исчезла, как будто и не было её. Иван сбросил с себя тушу, встал и брезгливо окинул взглядом дохлую нежить.

– Ёпть! Мы куда попали? Если так и дальше пойдёт, то вряд ли нам удастся добраться до людей.

– Надо смотреть в оба! Эта девица предупреждала, что в лесах полно нежити. Да и чёрт этот тоже…. Кстати, куда он, зараза, делся? Побегал тут покрутил хвостом и исчез.

– Никуда я не исчез, здесь я, – обиженно отозвался парнокопытный, выползая из кустов.

– Так не прячься, выходи и пошли с нами, будешь нашим провожатым.

– Провожатым, это можно, токо с вас еда.

– Её заработать ещё надо.

– Ага! А кто мне заплатит за отбитый рог?

– Отрастёт.

– А покуда отрастёт, кто возместит убытки и потерянную выгоду?

– Какую, например? – поинтересовался Иван. Ему на самом деле было интересно, какую выгоду имел в виду чёрт.

– Какую? – возмущённо воскликнул чёрт, – а чертовки? Они же теперь на меня безрогого дажеть не посмотрят! Енто скажется на моём здоровье – это раз, на увеличении чёртонаселения – это два и третье – что мне скажет жена. Она у меня суровая чертовка и я могу дажеть, ежли она будет в гневе, лишиться и второго рога. Кто мне возместит убытки?

– Мы что-нибудь придумаем, но потом, потому что сейчас нам надо добраться до жилья.

Глава 5

Многочасовая ходьба по тайге мероприятие не то чтобы особенно изматывающее, но однообразное и нудное. Обзора нет никакого, глаз утыкается в сплошную стену деревьев, сухие веточки легко ломаются, хрустя, когда ты их задеваешь, от веток приходится уворачиваться, то и дело лицо встречает невесомо-липкую паутину. Хорошо, что нет непроходимого бурелома.

– Мужики, не идите так быстро, я уже устал скакать за вами по кустам, да валежникам.

– Потерпишь. Нам ещё хуже, чем тебе. Ты дома, а мы вообще не знаем, где находимся.

– Так разве непонятно? Добро пожаловать в Древнюю Русь, отроки, – усмехнулся чёрт.

– Да ладно! Врёшь поди?

– Оно мне надоть?

При пасмурной погоде и в густой чащобе, где мох на деревьях растёт чуть ли не со всех сторон, а компаса при себе нет, даже, если бы он и был, поди определись, куда идти, когда местность вообще незнакомая. Не каждый человек, погуляв пару дней по такому лесу с её странными обитателями не сломается. Упавшие деревья перемежались крутыми овражками, склоны которых были покрыты прелыми листьями. Ноги разъезжались, теряя опору. Берцы были покрыты толстым слоем грязи. Да и та начала понемногу исчезать и скоро совсем потерялась в пробивающейся сквозь подстилку листьев траве. Только по кое-где обломанным веткам, сломанным стеблям папоротника можно было угадать, что человек когда-то ставил свою ногу в этом мрачном месте, да и то не факт, может это зверь какой пробежал. Лес был похож на нетронутые завалы старого валежника, собранного неведомыми силами в одном месте. Помимо всего прочего, земля была покрыта сочащимися влагой мхами, которыми поросла не только земля, но и сгнившие на корню деревья. Живности никакой не было, словно звери вымерли, а нежити, которые якобы здесь должны встречаться на каждом шагу, как будто сидели в засаде и чего-то выжидали. Только неугомонные сороки без страха стрекотали.

Чёрт предупредил, что они входят в Заморочный лес, где полно нечисти, но её видно не было, скорее всего, нечисть не покинула этот лес, а попряталась, видимо это ведица пришла на помощь, припугнув их. Неожиданно между деревьями друзья увидели хибарку. Они свернули с тропинки и двинулись сквозь заросли высокого папоротника. Расступились вековые кедры, и бойцы вышли на поляну, посреди которой стояла покосившаяся избушка, правда, не столь древняя, как могло показаться сначала. Друзья остановились, рассматривая избушку.

Плетень вокруг избушки был старый, тонкие жерди успели кое-где обломиться, а прутья истлели, ворота были открыты, перекосились и висели на одной пеньковой верёвке, привязанные к низу столбика. Друзья подошли к избушке. Ивану послышался сзади шум, он обернулся, истукан смотрел на них своими голубыми, как летнее небо глазами. Иван почувствовал жжение с левой стороны груди, где было тату с изображением, оно как будто предупреждало об опасности, впервые с того момента, как они попали в Заморочный лес. Иван невольно положил руку на грудь. На душе у него вдруг стало тревожно, но любопытство взяло верх, и Иван шагнул во двор через открытые ворота. Однако, если кто и обитал в лесной избушке, то это было давно, двор зарос высокой травой и даже тропинки к крыльцу не осталось. Иван, пригнувшись, шагнул за порог. Внутри избушки царило такое же запустение, как и снаружи. Брёвна избушки поскрипывали и постанывали, похоже, держались из последних сил. Давно не топленый очаг сиротливо смотрел и источал холод. Полати были накрыты истлевшим одеялом, на полке стоял один глиняный горшок, да и тот был с трещиной. На полу стояла миска с остатками какой-то еды. Тату Ивана зажгло грудь сильнее.

Шагов он не услышал, неведомый зверь двигался бесшумно, Василий стоял в проёме двери и почувствовал дыхание, едва уловимый вздох твари, изготовившейся к прыжку. Василий отскочил от двери и сорвал с плеча автомат, крикнув:

– Берегись!!

Иван обернулся, правой рукою выхватил из-за голенища десантный нож и мгновенно отпрыгнул. Серая тень летела на него, но зверь промахнулся. Зато Иван встречным движением вогнал ему нож в горло по самую рукоять. Волк рухнул на пол и заскрёб когтями по земле, оскалил огромные жёлтые клыки, но глаза его помутнели, кровь побежала ручейком по вывалившемуся языку. Иван вытащил нож, отёр его о шкуру зверя и засунул в ножны. Василий стрелять из автомата не мог, потому что зверь перекрыл ему обзор, он боялся попасть в друга, но он заскочил в избушку следом за зверем, держа в руках десантный нож, правда, Иван уже справился без него.

– Нам бы сейчас по глоточку принять за здоровье. Ну и стресс снять, конечно, – погоревал Иван, – когда же мы, наконец, выберемся из этого леса? Кстати, ты знаешь, Васька, а моя татушка меня предупредила об опасности.

– Каким образом?

– Она жгла, как огнём. Я вспомнил, когда у нас увели дозорные коней, при их приближении было такое же жжение.

Иван повернул голову и увидел чёрта. Тот спокойненько сидел у крыльца на травке.

– Живы? – весело справился он.

– Как видишь. А ты что здесь делаешь, предатель?

– Я не предатель, а ваш провожатый и биться с нечистью не обязан.

– А где ты был, подлюка безрогая? Мог бы и предупредить.

– Так я же пошёл вас провожать, а не охранять. Ну, отвлёкся слегонца, тут такая куколка мимо пробегала, я проводил её малёхо.

– Бабник! – констатировал Иван, спустился с крыльца и сел на ступеньку.

– А кто не бабник? Може ты? Так я никада не поверю, чё ты равнодушен к женщинам.

– А кто говорит о равнодушии, но ведь не бежать же за первой попавшейся юбкой, бросив все дела!

– А что я могу сделать, ежли их ко мне тянет? Я не могу им отказать.

– Ври да не завирайся! Сам сказал, пробегала мимо. Ключевое слово «мимо». Не их к тебе тянет, а ты бабник и бегаешь за каждой юбкой.

– А хоть бы и так! Вам завидно? У меня есть две чертовки-зажигалки, хотите, познакомлю.

– Ладно, все это, конечно, хорошо, но пора двигаться дальше. Хотелось бы быстрее попасть домой.

Чёрт презрительно посмотрел на новых знакомых, хмыкнул и, обхватив голову конечностями, застонал.

– Вы что, до сих пор ничего не поняли?

– А что тут понимать-то? Надо потом вернуться назад и найти место, через которое мы попали сюда.

– Да у вас сразу был билет в один конец!

– Что ты сказал?! – взревел Иван, – да за такие слова я тебе сейчас начищу твой пятак!

– Всё равно ничего не изменится.

– А ты не боишься, что я тебя пристрелю?

– Не боюсь, – равнодушно ответил чёрт.

– Это почему?

– Да потому, что без меня вы и недели здесь не протянете.

Некоторое время все сидели молча, думая каждый о своём.

– Так что будем делать-то? – нарушил тишину Василий.

– Черт его знает! – честно признался Иван.

– Да не знаю я ничего! – воскликнул чёрт.

– И что, совсем никакого выхода нет? – нахмурился Василий.

– Выход есть всегда, – философски заметил чёрт. – Надобно поспрошать чертей, колдунов, може, кто чё-нить дельное и посоветует. А покуда считайте, что у вас туристический тур по историческим местам. Хотя ведьма же не сказала вам ничего, не дала никакой надежды и, дажеть, не увидела, откель вы сюды прибежали.

От такой перспективы друзья закручинились. Но чёрт немного поразмыслив, решив успокоить парубков, сказал:

– Ваши судьбы покоятся на коленях Богов, и вам остаётся надеяться, что вещие виллы не оборвут ваши нити преждевременно, по случайности.

– Спасибо, успокоил, – промолвил Василий, схватил свой чуб в горсть и дёрнул в отчаянии.

– Слушай, копытный, это тебе жена такие рога наставила? – спросил Иван, чтобы сменить тему.

– А ты видел чёрта без рогов? Рога у чёрта мужская гордость.

– Не хотел бы я такую гордость иметь, – хохотнул Иван, – Вась, а ты чё нос повесил? Не грусти, чай, не на другой планете живём, выкрутимся. Россия, она и в одиннадцатом веке Россия. Только называется Русь, да народ в ней живёт попроще. Как ни крути, а в лесу мы долго не протянем, так что надо выбираться к людям. Да и еды у нас нет, на одних грибах и ягодах мы долго не протянем. А, если учесть, что домой нам вернуться пока не светит, надо как-то устраиваться и осваиваться здесь. Кстати, чёрт, а у тебя имя есть?

– Конечно, есть. Меня зовут – Чур.

– Аха-ха-ха, чур меня, чур! Вот это имечко! У тебя родители приколистами были! – сквозь хохот заметил Иван.

– Ничего смешного я здесь не вижу, – обиделся чёрт.

– Да ты не обижайся, у тебя очень запоминающееся имя.

– Тогда чего сидите? Вставайте и пошли к людям. Только я с вами в город не пойду, по крайней мере, днём.

И вот в сложившихся обстоятельствах вместе оказались абсолютно несовместимые личности: чёрт из средневековья и друзья спецназовцы из двадцать первого века.

Путь оказался неблизким. Друзьям пешие прогулки были не в новинку, но и они уже притомились болтаться по чужим лесам с их сюрпризами, вредными для здоровья. Шли молча. Трудно найти тему для беседы молодым людям из двадцать первого века со сказочным существом из далёкого, почти сказочного средневековья. Чур, поглядывал время от времени на своих спутников и морщил лоб, почесывал пятачок и прикидывал в уме, какую выгоду можно получить от них за сопровождение.

– Когда-нибудь моя доброта меня погубит, – воскликнул Чур, преодолевая завалы, рухнувших деревьев.

Его план был прост: найти местных чертей и расспросить о возможности возвращения попаданцев домой, но он никак не мог придумать, какую плату получить за свои услуги. «Ну и нервы у отроков, как канаты. Попали, как кур в ощип, и никакой истерики, думают, как приспособиться к местной жизни и обычаям», – думал Чур, аккуратно перелезая завалы, чтобы не переломать конечности.

– Чуженины! Ну, идите вы помедленнее, я уже замучился прыгать через завалы. У меня скоро копыта отвалятся.

Бойцы остановились, вытащили фляжки и начали жадно пить. Организм получил живительную влагу, а желудок сразу начал выражать возмущение, что забывают заботиться о нём.

– Чур, а Чур! Ты бы хоть какого-нибудь зайца поймал, что ли. Жрать охота.

– Ага! Щас! Всё брошу и побегу вам зайцев ловить.

– Ладно, я потом с тобой поговорю, – пообещал Иван.

Дорога заняла больше времени, чем планировалось. Вдруг перед ними появилась усыпанная иголками тропинка, она вильнула, обежала замшелый пень, и залитая солнечным светом, запетляла между корабельных сосновых стволов, во влажных испарениях, коряво нырнула в густые сумерки елей и остановилась у завалов полусгнивших стволов и веток. Только перелезли через это гнильё, как бурелом неожиданно сменился светлым сосновым подлеском, перемежающимся березовыми рощицами.

– Здорово, мужики! – вдруг раздался низкий мужской голос сзади. друзья вздрогнув, обернулись, а чёрт отпрыгнул и уставился испуганными глазами на лохматого мужика в груботканой порванной рубахе чуть ли не до колен, подпоясанной верёвкой.

– Здоровее видали, – неприветливо отозвался Чур.

– Здорово, коль не шутишь, – отозвался Иван и осмотрел мужика с ног до головы, – а ты чё такой оборванный?

– Бушь тута оборванным. Жить-то как-то надоть, вот и ватажничаем помаленьку, а в лес зайтить незя, кажный старается сожрать, али порвать на лоскуты.

На опушку следом за ободранным мужиком выбежал здоровенный бородатый детина, метра два ростом, в руках сверкал меч.

– Мужики! Хватайте его, это тать! – взмахнув мечом, детина легко пронёсся через полянку, и хотел уже снести голову татю, но тот резво отскочил и спрятался за Ивана, а Иван успел наклониться и меч просвистел у него над головой.

– Мужик! Успокойся, а то пристрелю, как здрасьте.

– Дык обобрали как липку ватажники. Ни коня, ни снеди не осталось. Всё забрали и последние гривны выгребли. Хорошо меч не успели отобрать. – Детина не принял угрозы и продолжал размахивать мечом.

Иван снял с плеча автомат и прострелил ему левую руку, мужик бросил меч в ножны, схватился за руку и, выпучив глаза, рухнул на колени.

– Перуновы молоньи?! Ты хто? – спросил он дрожащим голосом, выпучив глаза.

– Дед Пихто! Чё размахался мечом? Скажи спасибо, что не убил.

– А я вот иду в Киев, в дружину наниматься. И вишь ты, не повезло – встренул татей, обобрали как липку, сволочи. Я за ентим побёг, но не споймал. Куды остатние делися не знаю. Скоро мобудь сюды прибегут.

Чур с Иваном переглянулись. Василий стоял с автоматом наизготовку.

– Слышь, отрок, а давай вместях в город побежим, такого, как ты, с Перуновыми молоньями, в дружину точно возьмут.

– Тебя, мужик, как звать? И откуда ты идёшь в Киев?

– Люди зовут меня Илья, а бегу я из Мурома к великому князю киевскому Владимиру Святославичу наниматься на службу в его дружину.

– Ха! Так ты Илья Муромец, что ли? И далеко отсюда до Киева?

– Я-то Илья Муромец, а вы, отроки, случаем, не подсылы? Говорите навроде по-нашему, но как-то не так и одёжа на вас кака-то чужая, да и морды скоблёные, ни бороды, ни усов нетути, да и за татя заступилися.

– И что? Не нравится – вали отсюда…, в Киев.

Чур тяжело вздохнул и осторожно потрогал место, где был рог. Он уже понял, что последует дальше. Предчувствия его не обманули. Огромный кулачище просвистел в воздухе и пролетел мимо челюсти Ивана, а кулак бойца закончил свой путь под густой бородой у детины, челюсть мужика хрустнула. Он отлетел в сторону, приземлился под кустом ивы и, схватившись за челюсть, застонал, но тут же вскочил и вызверился на Ивана.

– Ах, ты так?! Пошто шломал мине шелюсть? – прошамкал мужик, держась за челюсть.

– Стоп-стоп-стоп! Ты сам на меня кинулся. Кстати, а куда делся тать?

Иван решил отвлечь детину от драки, сразу было видно, что он забияка и драчун и, несмотря на простреленную руку, рвался в бой, Ивану пришлось применить приём и детина вмиг оказался поверженным. Бросок Ивана оказался не очень сильным, поэтому мужик поднялся с земли, отряхнулся и с ухмылкой покачал головой.

– Силён отрок. А ежли на мечах?

– А ежли из автомата?

– Чисто дети, – проворчал чёрт. – В общем, сей персонаж комфортно расположился в сторонке на траве, сложив свои копытные конечности крестиком, и стал наблюдать за тем, что происходит на полянке.

– Мужики! А може нам догнать тех татей да пострелять Перуновыми молоньями от греха подале?

– Ага! Мы ещё не гонялись по лесам за татями. Нам бы добраться до жилья, поесть, да отдохнуть. И не только это, нам же где-то надо будет жить, – высказался Василий, ему уже осточертело гулять по лесу. Хотелось, наконец-то, выйти к людям, помыться, поесть, нормально поспать.

– Не волнуйся, Вася, если так пойдет и дальше, жить нам вовсе не придется…, если нас будут считать подсылами, то нам грозит либо костёр, либо кол или топором башку отхватят, и как звать не спросят.

– Дааа, перспективка так себе. Да чё там! Ежли честно, хреновая у вас перспектива! Но, чё-то вы особо испуганными не выглядите, – рассуждал Чур, переворачиваясь на спину и складывая нижние конечности одну на другую, согнув их в коленях, а верхние сложил под голову.

– Это по глупости, – утешил Иван, – когда начнём соображать, непременно испугаемся. Илья! Так мы идём в Киев наниматься в дружину к Владимиру Святославичу?

– Идём, конечно, токо я боюсь к великому князю привести слыхов.

– Это кто слых? Ты почему нас, то подсылами называешь, то слыхами! Да я тебя сейчас по этой полянке размажу! Сам ты слых! – Иван шагнул к Илье, но чёрт успел подскочить и встать между ними.

– Мужики! Не калечьте друг друга. Вам ишшо до Киева вместе бежать, дык и не доберётесь живыми, ежли будете кажин раз размазывать друг дружку. Да и княжеска дружина не дождётся пополнения, – Чур пытался примирить мужчин.

– Если ещё раз скажет, что мы какие-то там подсылы, пристрелю, – пообещал Иван.

– Да ты сам не белый и пушистый! Ты уже прострелил ему руку и сломал челюсть, а Илья тебя, покуда, не поломал, а мог бы. Всё ж таки богатырь, – промолвил чёрт.

– Кто это у нас тут богатырь? – съехидничал Иван.

– Илья Муромец! Слышал о таком? Так вот он перед тобой собственной персоной. Русских героев надобно знать в лицо или хучь иногда читать книжки, съехидничал копытный.

– Да ладно! Илья, ты, правда, богатырь?

– Ну не я один. Есть ишшо Алёшка Попович и Добрыня Никитич.

– А где они?

– Знамо где. В дружине великого князя. Токмо я тута задержался, надобно уже поспешать.

– Так поспешай, а мы тут освоимся и тоже придём.

– А вы, отроки, коли прибыли в наше средневековье, дык ведите ся прилично, дабы мне не было соромно за вас, – отчитывал друзей чёрт.

– Можно подумать, что у вас тут не дерутся и не ругаются.

– Ваня! Я тебе больше скажу: на мечах бьются, головы рубят друг другу, девок портят, крадут, разбойничают, потом платят большую виру, котору им присудит князь и малое вече, и начинают всё сызнова. А уж как своих жёнок бьют! Смертным боем. Но вам ничего ентого незя.

Вы незнамо откель к нам пожаловали, обычаев наших не знаете, а потому будьте осторожны и скромны, чтобы ране времени не лишиться башки.

– Понятно. Всё сказал, однорогий? А теперь предлагаю идти дальше.

– Ну, Ваня, не ожидал я от тебя такого оскорбления за все мои добрые дела.

– Привыкай! Я ещё и не то могу сказать за твои добрые дела.

– А чё вам не нравится-то? Я вас сопровождаю, к людям веду.

– К людям ты, копытный, нас ведёшь по приказу Огневеды, а не по своей доброте. А кто нас привёл к гнилой избушке и бросил на растерзание нечисти? Ты! Так что заткнись и иди молча.

Глава 6

Иван с Василием шли рядом, а чёрт, вприпрыжку скакал по обочине, размахивая хвостом. Время от времени Чур вспоминал об отбитом роге, трогал это место на голове и, качая головой, хмурился, но быстро об этом забывал и, напустив на себя морок, чтобы никто его не увидел, скакал дальше. Он хоть и обижался на бойцов, но радовался, что теперь у него есть компания. Вскоре перед ними открылся огромный массив деревьев очень старых, поросших светло-зеленым лишайником от корней до начала веток. Толщины они были невероятной – такие гиганты даже несколько человек не могли обхватить зараз. Стояли лесные красавцы на опушке леса, за многие годы, разогнав всю древесную мелочь в стороны от себя. На краю полянки бил родник. Вода была очень чистая, а ветки деревьев так густо закрывали пространство над источником, что там спокойно можно было переждать дождь. Дубам, наверное, было более тысячи лет. Запах щей первый учуял Василий.

– Мужики, чуете? Щами и пирогами пахнет.

– Вася, тебе везде еда мерещится. Откуда в лесу щи да пироги?

– Ванька, зуб даю, щами пахнет!

– Щами пахнет и пирогами, – подтвердил чёрт, поводя своим пятачком во все стороны и принюхиваясь.

Тут подключился и Илья Муромец, не менее всех голодный. Ему и вовсе трудно приходилось без еды, всё-таки богатырь, тушку под два метра ростом непросто прокормить, а нынче за целый день во рту ещё и крошки не было, кроме воды.

– Я тожеть чую запах щей и пирогов. Може тут недалече чья-нить заимка, – сказал Илья и погладил живот.

На другом конце полянки, под сенью раскидистых елей они увидели плетень с черепами на кольях. Внутри огорожи была избушка с покосившимся крыльцом. Из избушки до них доносились аппетитные запахи. На крыльцо вышла старушка в платке, завязанном как бандана, седые космы из-под неё болтались до плеч, прикрывая уши, кофта размера на два больше была заправлена под понёву, рукава закатаны, на ногах лапти. Глубоко посаженные глаза устремили свой пронзительный взор на путешественников.

– Баба-Яга, – ахнул чёрт.

– Чё, неужели настоящая? – удивился Иван.

– У нас тута всё настоящее, – вмешался Илья.

– А черепа на плетне это что, добры молодцы, заглянувшие к старушке на огонёк? – съехидничал Василий, но он был так голоден, что готов был рискнуть и зайти к старушке в избу.

Баба-Яга сложила руки на груди и спросила:

– Хто таки? По какому делу? – и сдвинула брови. Нельзя доброй казаться, не по правилам это. Пущай сразу начинают бояться, решила Баба Яга.

Иван попробовал открыть калитку, но не смог.

– Бабушка, пусти нас в избу, нам бы отдохнуть, да поесть что-нибудь.

– Много вас тута ходит, на всех еды не напасёсся. Идите отседова!

– Бабушка, а мы тебе дров нарубим, крылечко поправим.

«Ну, никакого уважения к лесной нечисти. Не пугливые, значит. Ничего, и не таких застращивали. Ну, разве что дров нарубят, да крыльцо поправят, да и молодцы хороши собой. Ладно, пущай заходют, а там поглядим…» – думала Баба-Яга.

– Ладноть, заходьте, – она махнула рукой и калитка открылась.

Первым прошёл Илья Муромец, следом друзья, замыкающим шёл Чур, прячась за спинами. Подошли к крыльцу, остановились.

– Хорошиии, – улыбнулась старушка, сверкнув единственным зубом. Чёрные глаза из-под густых бровей молодо блеснули. – Ну, вон у крыльца топор, за огорожей лес, нарубите дров, натопите баню, помоетесь, а я покуда приготовлю еду.

– Бабушка, а откуда так пирогами пахнет? Может, угостишь нас? – Василий посмотрел на старушку, сделав губы гузкой, а брови домиком.

– Пироги заработать надобно. Работайте, – Яга развернулась, зашла в избушку и решительно захлопнула за собой дверь.

Чёрный огромный кот, сидевший на крыльце, сверкнув зелёными глазами, потянулся и промямлил:

– Работайте-работайте. Кто не работает, тот не ест. А у нашей баушки дажеть кто работает, не всегда ест.

Друзья изумлённо уставились на кота.

– Вась, ты когда-нибудь видел говорящего кота? Я – нет.

– Я тоже не видел. Я уже стараюсь сильно ничему не удивляться.

Делать нечего. Решив, что, может, им повезёт и старушка их накормит, Илья взял топор и пошёл со двора, Иван отправился следом за ним, а Василий с чёртом принялись носить воду в баню из озерка, которое было рядом, в овражке. Когда наполнили все ёмкости, взялись ремонтировать крыльцо. Выровняли крылечко, поправили все ступеньки. Сели и стали ждать дрова, чтобы затопить баню. Вышла старушка, села рядом с Василием, поправила и разгладила понёву, сложила руки на коленях и посмотрела на Василия.

– Ты, отрок, откель прибежал?

– Бабушка, насколько я знаю, ты сначала должна помыть молодца в бане, накормить, напоить, спать уложить, а потом задавать вопросы.

– Это где ты такого набрался? Я никому ничего не должна. Я просто хотела поговорить. Скучно мне тут одной в лесу.

– Так вон у тебя на кольях, сколько черепов висит, это что, добры молодцы, которые к тебе приезжали в гости?

– Не обращай внимания, это давно было. Враги мои висят, душу радуют.

– А, что они сделали, если не секрет?

– Лучше спроси, чего не сделали.

– Да, ладно, я не любопытный. А вон и дровишки. Сейчас баньку затоплю.

Иван с Ильёй сбросили дрова у баньки, Василий набрал охапку и пошёл в баню, вскоре из трубы завился дымок. Пока баня топилась, старушка решила использовать даровую рабочую силу и припахала добрых молодцов, приказав им у огорожи вырвать траву и вскопать грядку, а что там будет расти, она придумает потом. Как раз к тому времени, когда была готова баня, грядка была вскопана. Мужчины намылись, напарились и вышли из бани. Старушка на полянке уже постелила скатерть и разложила снедь. Путешественники сели вокруг скатерти, чёрт пристроился рядом с Иваном.

– А ента нечисть чё тута делат? – возмутилась Яга.

– Бабушка, не гоните его, это наш провожатый. Мы в вашем лесу впервые, боялись заблудиться, пришлось просить этого парнокопытного нас проводить.

– Ну, коли так, пущай сидит. Снеди на всех хватит, да и заработал он, воду в баню таскал.

– Спасибо, Ваня, я твой должник, – буркнул Чур.

– Не забудь об этом.

– Всё очень вкусно у тебя, бабушка, но не будет ли по кружечке хмельного мёду путникам с устатку? – Илья вопросительно посмотрел на старушку.

– Мёду нет, есть самогон, но это мне на компрессы, – сказала, как отрезала Яга.

– Так разве ж кто спорит? – воскликнул чёрт, – конечно в медицинских целях! Видишь, мне вот этот отрок рог отбил, такая потеря, да и после трудного дня с устатку это ж святое дело.

– Да, у Чура рог отломили, мне руку прострелили, нам всем нужно ваше лекарство, бабушка, да и вам с нами за компанию тожеть не помешат принять. У вас тожеть стресс, четыре мужика ввалились, сплошное беспокойство.

– Ну, коли мы тута все покалеченные давайте будем лечиться, – Яга поставила на скатерть, откуда-то вдруг взявшиеся, чарки, сходила в избушку, достала из-за печки бутыль с самогоном, которую они с Кощеем вчера не осилили, принесла и налила полные чарки. Старушка подняла свою и опрокинула одним махом, как будто за плечо выплеснула.

Русский метод лечения включает в себя не только алкоголь, но ещё и разговоры по душам. То есть некий вариант исповеди на пьяную голову или порешать с подельниками свои дела. А поскольку Кощей к Яге залетал редко, особенно сейчас, когда к нему вдруг прибилась Василиса, сбежавшая от нелюбимого жениха, он и вовсе зависал дома постоянно. Бабу Ягу это злило, что он променял её, на какую-то беглую девку и решила ему назло выйти замуж и вот тут-то, глядя на молодцев у неё вдруг созрел план.

– Ну что, отроки, подкрепились? Я, как вы и хотели, в бане вас помыла, накормила, а теперь поговорим. Один из вас должон на мне жениться, а иначе головы всех троих будут висеть на моём плетне, на кольях. Вооон с теми черепами рядом. Хто на мне женится, решайте сами, мне любой подойдёт, вы молодцы все ладные.

– Это зачем ещё? – хором закричали не на шутку обеспокоенные приятели.

– Чёрт! Ты куда нас привёл? Щас в пятак получишь! – взвился Иван, – вот ты и будешь жениться на старушке.

– Совсем сдурел?! Ща как звездану в лоб копытом!! Меня кто-то спрашивал, куда идти? Все ломанулись на запах пирогов.

– Но-но-но, осторожнее со словами! Я вам не старушка, – она встала и ушла в избушку. Через две минуты оттуда вышла девица-краса длинная коса. Глаза как два омута и румянец во всю щёку. Иван с Василием ахнули, Илья ехидно ухмыльнулся и покачал головой. «Сука, хрычовка старая», – проворчал себе под нос. Для него это было не ново, он знал о проделках Бабы-Яги, всяких ведьм с их мороками и ведиц, с их колдовством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.